

Пьер Вери

Завещание Базиля Крукса

ГЛАВА 1

Таинственный офицер

На набережной, по которой, в поисках брошенной рыбы, бродили тощие кошки, вдруг опрометью бросился к телеграфному столбу и замер на мгновение человек, видимо, желавший остаться незамеченным. Ладонью он прикрыл сигару.

Сантандер спал. Башенные часы пробили двенадцать. В эту минуту из мрака, в котором чуть виднелись силуэты стоявших на якоре кораблей, бесшумно вынырнула шлюпка. В ней находился только один человек, одетый в форму капитанов дальнего плавания. Он очень искусно работал веслами, концы которых были заворочены в рогожи. Эта осторожность позволила ему пристать в полной тишине.

Ни звука не произвел человек и тогда, когда привязывал лодку к одному из колец, которые в изобилии имеются на всякой набережной, и тогда, когда он сходил на землю, и тогда, когда осторожно двинулся вперед по темному переулку.

Но за ним, прикрываясь столбами и подъездами домов, неотступно следовал и человек с сигарой.

Переулок пересекал «Королевскую улицу» и упирался в самую бедную часть города, в которой помещались всевозможные вертепы. Фонари становились все более редки, а стены все более и более замызганы.

Человек в форме шел быстрыми шагами. Временами он оглядывался через плечо. Дважды человек с сигарой решал, что его присутствие открыто. Но это было не так. Человек в форме уверенным шагом пересек площадь «Черной звезды» и направился в переулок «Млечного пути». Через несколько минут он остановился перед деревянным домом, из которого доносились песни и крики.

В доме вовсе не было окон, но между досками зияли щели. И когда человек с сигарой поравнялся с ним и заглянул внутрь, то убедился, что не ошибся: моряк сидел за столом в самой подозрительной компании и, видимо, ожесточенно с кем-то спорил.

Человек с сигарой поднял голову. Прямо перед ним была вывеска: «У бурой коровы».

Как бы в пояснение, рядом с буквами была грубо намалевана бурая корова.

Человек двинулся назад. Час спустя офицер вновь показался на набережной. Он вскочил в шлюпку и быстро отчалил от берега. Тот, кто захотел бы за ним последовать, узнал бы что он пристал к судну, на корме которого стояло золотыми буквами: «Альдебаран».

ГЛАВА 2

Неприятное пробуждение

Несколько часов спустя на «Альдебаране» стал просыпаться матрос Козимо Санец. Он чувствовал себя отвратительно. У него распухли небо, горло, язык. А, между тем, Козимо был отнюдь не из тех маменькиных сынков, которые пьянеют от чарки вина.

С минуту он лениво болтал спущенными с койки ногами и почесывался.

Вдруг забили часы. Козимо прислушался и подскочил. Было шесть часов. Ему следовало еще два часа тому назад стать на вахту, а он проспал. Санец быстро натянул на себя брюки и куртку, одним прыжком, поднялся наверх и оказался на палубе.

Перед ним открывался весь Сантандер. Город просыпался. Рыбаки приступали к работе.

— Почему, — спрашивал себя Козимо, — меня не разбудил этот проклятый англичанин?

Проклятый англичанин оказался, однако, добрым товарищем. Он стоял на своем посту!

— Прямо невероятно, до чего это хорошо, — говорил Козимо, подходя к Джемсу. — Но я отплачу тебе, дружище, и при первом же случае простою за тебя лишних два часа на вахте!

Сказав так, Козимо тяжело опустил руку на плечо товарища. Тот не шелохнулся. Козимо дружески шлепнул его по спине.

— Проснись, приятель! Что, размышлялся о своей блондинке?

Джемс медленно повернулся, как будто хотел заговорить, но внезапно зашатался. Если бы не подхвативший его Козимо, он со всего размаха грохнулся бы о палубу.

— Он спит!

В этом не было никаких сомнений. Сон Джемса казался каким-то особенным: никакие призывы, никакие шлепки не могли пробудить его.

— Черт возьми! — воскликнул Козимо. — Значит, здесь спят все!

Его осенила внезапная мысль. Он по бежал в помещение матросов и стал их всех расталкивать — Яна ван Хааса, голландского механика, юнгу Уллохо и других. Тщетно.

Козимо отправился в машинное отделение. Кочегар, еврей, Моисей Кнатц, спал у своих котлов, не топившихся уже шесть месяцев. Козимо даже не прикоснулся к нему.

— Плохи дела! — сказал он про себя, возвращаясь на палубу.

Он бросил взгляд в каюту старика повара Рамона Педрильо. Тот тоже спал крепким сном.

Козимо бросился к рубке и стал изо всех сил колотить по стене.

— Господин капитан, господин капитан!

Дверь немедленно открылась.

— Что случилось, Козимо?

Капитан Фернандо Родериго стоял на пороге, бледный, чисто выбритый, как будто не ложившийся спать. На столе была разложена карта Атлантического океана.

— Капитан, они спят!

— Кто они?

— Все — Джемс, Бассет, Кнатц, Педрильо, все!..

Капитан быстрыми шагами подошел к неподвижному телу Бассета. Попытавшись растолкать его, капитан наклонился и приложил ухо к его сердцу.

— Он, правда, спит. Но он не болен. Его усыпили. А другие в таком же состоянии?

— Так точно, господин капитан!

— Но каким образом.

Капитан кристально взглянул на матроса своими зелеными глазами, одно временно пронизывающими и отсутствующими. Но на лице матроса играла такая невинная улыбка, что подозрения его рассеялись.

— Простите меня, я должен был стать на вахту в 4, но проснулся только в 6. Может быть, я менее других ел и пил вчера вечером.

— Ладно. Ступай на берег, явись к доктору Каучо и скажи ему, что я прошу его прибыть на «Альдебаран» до полудня. Мой приятель, начальник полиции Нуец хотел быть у меня сегодня утром. Извести и его о происшедшем.

Матрос исчез. Родериго, не заботясь об остальных членах экипажа, поднялся на мостик и повернулся к носу корабля.

Здесь и там на шаландах и баржах двигались люди. По палубе двухтрубного парохода «Христофор Колумб», готовившегося к отплытию в Гавану, сновали матросы. Где-то паровой катер с визгом оттягивал якорь другого парохода.

На яхте, Родериго, на прекрасном снежно-белом «Альдебаране», царила абсолютная тишина.

ГЛАВА 3

Супруги Тейа

В двери синьоры Тейа постучали. На пороге показалась старая служанка.

— В чем дело, Агата?

— Синьора, синьор велел спросить синьору, может ли синьор пройти к синьоре.

Женщина улыбнулась сначала, услышав это нагромождение слов, но затем нахмурила брови.

— Скажите синьору, что я сама сейчас приду к нему.

Внизу Карло Тейа ходил взад и вперед по своему прекрасно обставленному кабинету. Два раза он останавливался перед окном, обращенным к морю. Взгляд его падал на стройный силуэт «Альдебарана».

Мысли Карло Тейа в это утро были достаточно мрачны. Это был человек большого роста, с жиденькой бородкой. Быстрые глаза его свидетельствовали, одновременно, о живом уме и о достаточно гибкой совести. Он провел бурную молодость, побывал в Америке, два раза наживал крупные состояния, два раза разорялся. Сейчас он занимался страховыми делами, зарабатывал отлично, жил в роскошной вилле, был женат на красивой женщине.

Внезапно он обернулся: в комнату вошла его жена.

— Вы желаете беседовать со мной Карло?

— Да, Лаура!..

Лаура, француженка по происхождению — была очень хороша собой. Ей только что минуло тридцать лет, и она была в расцвете красоты.

Прислонившись к окну, Карло жадно рассматривал жену. Глаза его горели тревогой, которую он не пытался скрыть. Поборов волнение, он сказал:

— Лаура, не уезжайте! Я не могу отпустить вас. С тех пор, что вы отделились от меня, я не предпринимал никаких шагов, потому что знал, что на вашу гордую натуру они могли оказать только обратное действие. Но я не перестал надеяться. Откажитесь от развода!

— Надо оставить всякие надежды, Карло. Я не могу оставаться дольше. Прошу вас не задерживать меня.

— Лаура, еще один раз окажите мне доверие. Я обещаю исправиться, Лаура.

Молодая женщина сделала рукой усталый жест. Терпение ее было истощено.

— Вы слишком часто давали мне обещания, которые оставались неисполненными. Нет, Карло! Я решила покинуть Сантандер завтра с утренним поездом. Я возвращаюсь во Францию и надеюсь забыть там о том, что мне пришлось пережить здесь. Вы можете объяснить знакомым мое отсутствие, как хотите — например, болезнью, заставившей меня временно переменить климат.

Карло понял, что разговор окончен, и тут проявилось его истинное существо. Понимая, что он ничего не добьется просьбами, он не стал дольше сдерживать своего гнева.

— Вы возвращаетесь во Францию? Вероятно вас будет сопровождать капитан Родериго?

— Вы отлично знаете, что между мной и капитаном Родериго никогда не было ничего, кроме дружбы.

В самом деле, Лаура, будучи еще Лаурой Альбре, имела случай познакомиться на родине с капитаном Родериго и оценить его благородную натуру. Со временем их дружба могла перейти в более глубокое чувство. Но обстоятельства разделили их, и когда капитан Родериго, остановившись в Сантандере, узнал в синьоре Тейа ту, которую он знал, как Лауру Альбре, то между ними возобновились только старые отношения, укрепленные общими воспоминаниями о годах ранней юности.

В то время, когда Лаура знавала капитана Родериго, это был редкостно веселый человек. Но за те шесть месяцев, что он провел в Сантандере, его не покидала черная меланхолия.

— Ваши подозрения, — продолжала синьора Тейа, — которые вы не устаете повторять, хотя знаете их лживость, только умаляют вас. Капитан Родериго благородный человек.

— А-ха! Благородный человек! А что если он не таков, каким вы его себе представляете? А что если под своей благородной личиной он скрывает душу мошенника и негодяя? А что если я вам докажу?..

Говоря так, Карло думал о том морском офицере, по следам которого он недавно следовал до трактира «У бурой коровы».

Но Лаура перебила его:

— Можете не продолжать. Я переменяла намерение и покидаю Сантандер еще сегодня вечером.

Она исчезла, и Карло услышал, как за ней захлопнулась парадная дверь. Он вновь уставился на «Альдебарана». На этот раз его взор был не то насмешлив, не то угрожающ.

Выходя из кабинета, он посмотрел на часы. Была половина десятого.

«Лаура, очевидно, направилась на „Альдебаран“, чтобы проститься с этим проклятым Родериго», — подумал он.

Войдя в спальню, синьор Тейа достал что-то из ящика, надел шляпу и поспешным шагом вышел из дому.

ГЛАВА 4

Доктор Хуан Каучо

Доктор Хуан Каучо, небольшой человечек с лицом весельчака, только что сел в шлюпку, чтобы ехать на «Альдебаран», как услышал, что его кто-то зовет.

— Алло! Это вы, Тейа? — крикнул он, протягивая своему собеседнику короткую жирную руку. — Как? Еще нет десяти, а вы уже встали? Уж не выгнала ли вас на улицу жена?

Произнеся эти слова, доктор разразился нескончаемым смехом, как делал всякий раз, когда отпускал остроту. А один Бог знает, сколько раз за день он острил!

И хотя его остроты обыкновенно веселили только его, к нему относились снисходительно, так как он умел хорошо угостить, отлично понимал все тонкости в бое быков и недурно играл в шахматы. Что касается его врачебного искусства, то никто не считал диктора Каучо светилом, но никто не относил его и к числу тех, которые позорят профессию.

— Вы почти угадали, милый доктор, — сказал Тейа. — Я направляюсь на «Альдебаран», чтобы встретиться с женой. Она поехала туда, чтобы проститься с капитаном Родериго.

— Проститься? Вы нас покидаете?

— Нет. Лаура хочет отправиться во Францию.

— Не надолго, надеюсь?

— Боюсь, что надолго, дорогой Каучо. Что хотите. Здоровье!

— Понимаю, понимаю, — произнес Каучо, прикладывая палец к губам и показывая на лодочника. — И когда же она уезжает?

— Сегодня днем, если только это окажется возможным...

— Так вот что: садитесь ко мне! Я доставлю, вас на борт.

Лодочник оттолкнулся от берега, и шлюпка медленно закачалась на волнах.

Пассажиры внимательно смотрели на «Альдебаран». Это была красивая, поместительная, роскошно отделанная яхта. Ее длина равнялась двадцати пяти метрам, ширина семи... Помещение для матросов, согласно обычаю, находилось у носа, рубка на корме. Ее занимал в одиночестве Фернандо Родериго.

Болтливый Каучо стал рассказывать.

— Собственно говоря, я не имею права рассказывать. Но так и быть, скажу вам: меня зовут на борт ради странного дела.

Взглянув на лодочника, он понизил голос:

— Весь экипаж был усыплен сегодня ночью.

Признание как бы облегчило доктора, так как лицо его просияло.

— Усыплен? — резко повторил Тейа. — Непохоже. Посмотрите на этих молодцов.

В самом деле, на палубе два матроса усиленно протирали металлические части.

— Ну, они вероятно уже очухались. Очевидно наркотик был плохого качества.

Доктор Каучо громко рассмеялся, но Тейа только слегка улыбнулся. И, словно бы не придавая значения своим словам, заговорил:

— Вы, доктор, гораздо больше меня знаете этого капитана Родериго. Не скажете ли вы мне, что означает его странное поведение. Вот уже шесть месяцев, как его яхта стоит на якоре, а жизнь на ней идет такая, точно она находится в открытом море. Каждые четыре часа сменяется вахта, у потушенных котлов день и ночь дежурит кочегар, а Родериго целыми днями наблюдает за входом в бухту, как будто поджидает неприятеля. Мне все кажется, что в один прекрасный день эта яхта исчезнет. Но нет! Просыпаюсь и каждый день вижу вновь из своего окна ее силуэт.

Каучо улыбнулся и опустил в воду свою жирную руку.

— По правду говоря, я сам часто задавался тем же самым вопросом. Но Родериго не из тех, кто поверяет свои тайны ветру. По-моему, возможны только два объяснения — Родериго или сошел с ума, или влюблен.

Каучо внезапно замолчал, увидев, что лицо собеседника как-то посерело. Присмотревшись к «Альдебарану», он заметил на нем два очень близких друг к другу силуэта. Это был капитан Родериго и синьора Тейа.

— Впрочем, — пролепетал доктор, — я не так выразился. По моему мнению, совершенно ясно, что капитан сумасшедший.

ГЛАВА 5

На борту «Альдебарана»

Капитан Родериго показал рукой по направлению к Сантандеру.

— Это не ваш муж в лодке вместе с Каучо?

— Он, — ответила синьорина Тейа. — Он знал, что я направилась сюда, чтобы проститься с вами. Не верьте ему! И что только нужно ему здесь?

Капитан презрительно улыбнулся.

— Уф! — воскликнул Каучо, дыша как паровоз. — Хорошая штука это море, но только с берега.

— Да и я, — заметил Тейа, — далеко не моряк. А вы, капитан, наверное, в такой же мере ненавидите твердую землю.

— Совершенно верно! За исключением случаев крайней необходимости я провожу время на борту.

Тейа саркастически улыбнулся: ему вспомнился таинственный офицер, которого он видел ночью в трактире «У бурой коровы».

Чтобы прервать наступившее неловкое молчание, Каучо сказал:

— Ну, капитан, для людей которым дали снотворного, ваши матросы выглядят не слишком дурно.

— Да, все уже проснулись. Я полагаю, что произошел несчастный случай, так как я не обнаружил никакой покражи.

— А сами вы также были усыплены?

— Нет.

— Ну, объяснение простое: ваш старый Рамон, очевидно, по слепоте налил в суп матросов какого-нибудь снотворного. Мне очень хочется посмотреть на его кастрюли.

— Я с минуты на минуту жду своего приятеля Нунеца, начальника полиции. Он выяснит, в чем дело. Вы, доктор, пока взгляните на моих людей, а я тем временем займусь приготовлением коктейля. Вы найдете нас, синьора Тейа с супругой и меня, в баре...

— Отлично! Но для меня не готовьте коктейля. У меня припадок печени. Я выпью стакан оранжада, а пока поговорю с тем молодцом, что стоит у руля. Его служба сейчас не так ответственна, чтобы он не мог оторваться от нее. Нет, кажется, риска, чтобы ваш «Альдебаран» налетел на подводную скалу.

— Увы, нет! — произнес капитан таким голосом, который разом пресек раскатистый смех доктора.

В баре Тейа отважился спросить у капитана:

— Скажите, капитан, почему вы, в трехстах метрах от набережной требуете от ваших людей службы, точно бы вы были в плавании? Ведь наша бухта — не открытое море?

— Для меня и эта бухта — открытое море.

— Не понимаю.

— Думали ли вы когда-нибудь о тысячах моряков, поглощенных океаном за века, что люди плавают? Мне иногда представляется, что все их корабли не лежат на боку, и не занесены песком, а стоят на килях, и что их команда продолжает нести службу.

— Поэтическая фантазия!

— Тоже самое происходит и на этой яхте, — остановленной в своем движении катастрофой. Прошу простить меня, если ответ мой покажется вам еще более загадочным, нежели самая загадка.

Тон капитана был таков, что Тейа не решился продолжать разговор. К тому же коктейль был готов. Родериго наполнил две рюмки, а для синьоры Тейа налил немного портвейна в бокал, напоминавший по форме цветок тюльпана.

Тем временем Каучо, осмотрев рулевого, прошел на кухню, чтобы взглянуть на кастрюли. За ним следовал старый Рамон. Как раз в это мгновение на палубе показалась симпатичная фигура Нунеца, начальника полиции.

— Здравствуйте, Каучо. Что, кто-либо болен на «Альдебаране»?

— Нет! Но весь экипаж был усыплен вчера вечером.

— Да, я слышал.

Они направились к бару, когда вдруг в дверях его показался капитан, который взволнованно кричал:

— Доктор, доктор, скорее!

ГЛАВА 6

Внезапная смерть

Каучо встал на колени перед телом, расprostертым на ковре.

— Ничего нельзя поделать. Смерть на ступила мгновенно, — заявил он, подымаясь и смахивая пыль с брюк.

— Но это Тейа! — воскликнул Нунец, быстро поздоровавшись с Родериго. Поклонившись вдове умершего, он прибавил:

— В чем дело, Каучо. Эмболия?

— Нет, — ответил тот, — отравление!

Несмотря на все свое профессиональное хладнокровие, Нунец вздрогнул. Вздрогнули и капитан, и Лаура. Карло Тейа отравлен! Но как и кем?

— На каком основании полагаете вы, что Тейа отравлен? — спросил капитан. — Я сам приготавливал коктейль. В первый раз мы...

— Одну минуту, Родериго, — перебил его Нунец, поворачиваясь к Каучо. — Доктор, на каком основании утверждаете вы, что этот человек умер от яда, а не естественной смертью?

— Вид его не оставляет никаких сомнений. Посмотрите на это искаженное лицо, на судорожно сжатые пальцы, на искривленные члены, — только быстро действующий яд может придать такой вид труп.

Нунец быстро осмотрел бар. На дубовом прилавке, под которым лежал труп, стояли две рюмки из под коктейля и бокал с портвейном. Во всех было еще достаточно жидкости.

— Как это случилось? — спросил Нунец капитана.

— Я приготовил коктейль, но синьора попросила портвейна. Мы выпили по рюмке и затем все вышли на палубу...

— Я слушаю...

— Мы услышали шум моторной лодки и решили, что это вы. Убедившись в своей ошибке, мы снова вошли в бар. Тейа сам взял рюмку, сделал глоток и упал.

— Заметили ли вы что-нибудь особенное, возвращаясь в бар?

— Решительно ничего!

— А мог ли кто-либо, воспользовавшись вашим коротким отсутствием, забраться в комнату?

— Насколько я знаю, в рубке в то время не было никого. Но человек, спрятавшийся в одной из ее кают, мог войти и затем исчезнуть.

— Невозможно! — воскликнул Каучо. — Пока вы были на палубе, я с поваром стоял у входа на лестницу, ведущую на рубку, и не видел никого.

— Значит, — заключил Нунец, — если сюда проник посторонний человек, то он еще не вышел. Помолчав, он прибавил:

— Мне нужно трех надежных людей, Родериго. Мы поставим двух при входе на лестницу, а третий пойдет со мной.

Из поставленных в его распоряжение людей, Нунец поставил Козимо и Бассета наверху лестницы, приказал им не сходить с места и не позволять никому спускаться, сам же, в сопровождении кочегара Кнатца, быстро осмотрел рубку. В ней не было никого, и он отпустил кочегара.

Синьора Тейа была в состоянии близком к обмороку. Эта внезапная смерть, ужасный вид трупа, краткий допрос Нунца, его быстрые распоряжения — все это в совокупности превышало ее силы, как велики они ни были. На вопрос Нунца, не хочет ли она покинуть яхту, она ответила отрицательно и сидела, как изваяние, крепко сжав голову обеими руками. Доктор и капитан молчали. Тишина нарушалась только тяжелыми шагами Нунца, который делал тщетные попытки увидеть что-либо, что открыло бы перед ним тайну. Его взгляд упал на Каучо.

— Не исполните ли вы, дорогой мой, маленькое поручение? Отправляйтесь на берег и пришлите мне сюда инспектора Пигота. А также заезжайте в городскую лабораторию и передайте там на анализ по капле этих жидкостей. По возможности, обратитесь к Педро Суаресу.

Каучо кивком головы выразил согласие.

Нунец попросил у Родериго три пузырька, которые тот без труда нашел в аптекарском шкафчике. Тщательно вымыв, он налил в каждый из них по несколько капель из всех трех рюмок, закрыл стеклянными пробками, запечатал, наклеил ярлыки и передал доктору.

— Ради Бога, скорее!

Через две минуты моторная лодка понесла Каучо на берег.

— Диагноз Каучо вряд ли подлежит сомнению, — заметил Нунец. — Преступление несомненно. Мне нужно еще три пузырька, Родериго. Чтобы устранить всякую возможность ошибки, я сам возьму по несколько капель этих жидкостей и отдам их для анализа в другое место. А теперь мы можем покинуть борт. Только отдайте мне ключи.

Оба мужчины, вместе с Лаурой перешли в столовую, где Нунец задал Родериго несколько вопросов по делу об усыплении экипажа. Но Родериго не мог дать ему ни малейшего полезного указания.

ГЛАВА 7

Инспектор Пигот

Каучо умел бывать быстрым. Не прошло и часа, как шум мотора, дал знать, что лодка возвращается. В ней, кроме Кнатца и доктора — был еще и высокий широкоплечий человек. На молчаливый вопрос капитана, Нунец ответил:

— Пигот! Он разберется в деле. Я никогда не имел под своим началом более сметливого помощника.

Инспектор, Пигот был человек лет тридцати, с открытым лицом, сплошь усеянным веснушками, которые проступали особенно явственно, когда он напряженно над чем-нибудь задумывался. Красотой фигуры он не блистал: при виде его почему-то вспоминались чурбаны, грубо отесанные первобытными людьми.

Он производил впечатление большой силы. Но был, у него и недостаток: он терялся в присутствии молодых женщин.

Он шел впереди. Менее проворный Каучо следовал за ним, с уже готовым отчетом в руках.

— А следователь? — спросил Нунец.

— Отсутствует, — ответил Пигот. — Вызван в Сан Педро де ля Бранья по сложному делу об убийстве. Я просил предупредить его, как только он вернется.

— Здешнее дело не менее сложно. Каучо, вероятно, вкратце ознакомил вас с ним.

— Да, синьор. Не угодно ли вам будет прочесть результат анализа.

Родериго громко прочел:

В жидкости, находившейся в пузырьке с этикеткой «Тейа», найдены следы цианистого калия. В обоих других никаких ядовитых веществ не обнаружено.

Педро Суарец

— Каучо не ошибся, — заметил Нунец. — Действительно, имело место отравление.

— Прежде всего, — заявил Пигот, — я составлю план помещения.

Это был человек методический. При виде того, как он снимал план, можно было вполне оценить то доверие, которое оказывал ему Нунец.

Рубка, как и всегда, находилась на корме. Длина ее равнялась 9 метрам, а ширина семи. Она состояла прежде всего из квадратного центрального помещения, из которого шла лестница на палубу. На него открывалось пять дверей.

Первая вела в кухню, которая при ширине в два метра занимала всю глубину рубки. В ней была только одна дверь, как раз посередине, и по иллюминатору по бокам. К кухне примыкали находившиеся друг против друга бар и кают-компания, длиной в три метра с четвертью и шириной в один метр три четверти. Наконец, задняя часть рубки, которую обыкновенно делают сплошной, была разделена перегородкой на два помещения — гостиную и столовую. В каждой из этих кают было по два иллюминатора и по одной двери в центральное помещение.

Таково было довольно необычайное расположение помещений на яхте, построенной по плану первого ее владельца, дона Карло Родериго, дяди Фернандо.

Измеряя помещение, Пигот заодно исследовал их, чтобы установить, что в них не скрывается никого, и что из них нет никаких выходов, при помощи которых можно было бы миновать лестницу.

Окончив осмотр, он повернулся к Родериго и сказал:

— Посмотрим, что даст нам бар.

Несмотря на трагизм положения, Родериго невольно улыбнулся. Он знал, что бар не может дать ровно ничего.

Синьора Лаура осталась в столовой, а Родериго, Каучо, Нунец и Пигот прошли в бар.

Бар был, конечно, просто каютой, приспособленной для распития спиртных напитков. В середине стоял небольшой стол со стульями; у одной из боковых стенок возвышался прилавок.

Пигот склонился к трупу, но не задержался над его осмотром, так как понимал, что не мог бы извлечь из этого никакой пользы. Он тщательно обследовал толстый ковер, приделанный гвоздями к полу. На нем валялось несколько обожженных спичек, обрывки тонкой бумаги, пробка и немного пепла, рассыпанного Тейа при падении.

Другая пепельница находилась на столе. На прилавке было три стакана, футляр с соломинками, капельница для крепких ликеров. На блюдечке было несколько зерен кофе. За прилавком стояла мороженица.

Пигот был так добросовестен, что поднял ее крышку и заглянул внутрь — конечно, безрезультатно.

Он перешел к столу и стульям. Это были самые обыкновенные предметы, которые должны были служить верой и правдой во время морских переходов.

На стенах висело четыре картины, изображавших морские сражения. Пигот перевернул рамки, но обнаружил за ними только прочные и отнюдь не подозрительные стенки. Затем он отложил в сторону зерна кофе, капельницу и соломинку.

По мере того, как продвигалось расследование, становилось ясным, что Пигот теряет надежду найти нить, которая могла бы оказаться путеводной при дальнейшем расследовании.

Он топнул ногой. Пол отдал полный звук. Увидев, что как раз над столом висит электрическая лампочка, он встал на стул, отвинтил ее и тщательно исследовал. Как и следовало ожидать, этот осмотр не дал ничего.

ГЛАВА 8

Допрос

— Перейдем в столовую, — сказал Пигот. — Я хочу задать присутствующим несколько вопросов.

Нунец закрыл дверь бара. Родериго подсел к синьоре Лауре и попытался заговорить с ней о безразличных предметах, чтобы отвлечь ее внимание от только что происшедшей драмы. Каучо сел в кресло в углу. Лоб его пересекала глубокая морщина. Он, видимо, крепко раздумывал над случившимся и не находил никакого объяснения.

— Я просил бы вас, дон Фернандо, — сказал Пигот, — рассказать мне по порядку все факты, предшествовавшие драме. Напрягите вашу память и постарайтесь не упустить ни малейшей подробности. Иногда самые незначительные мелочи ведут к разгадке.

— Вот как было дело, — начал Родериго. — Вскоре после прибытия синьоры Тейа, которая приехала, чтобы проститься...

Пигот быстро поднял голову.

— Проститься?

— Да я решила порвать с мужем, — вмешалась синьорина Лаура. — Я собиралась покинуть Испанию еще сегодня днем.

Пигот вновь обратился к капитану:

— В котором часу прибыла синьорина?

— Около половины десятого.

Пигот вынул книжку и стал записывать.

— Мы успели только немного потолковать с синьорой о ее предстоящем отъезде, как прибыли Тейа с доктором Каучо, которого я просил прибыть на борт...

— Знаю, знаю. Вернемся к Тейа... Он принадлежала к числу ваших друзей?

— Мы были знакомы, но не были близки. Я вообще трудно схожусь с людьми, а Тейа был мне скорее антипатичен.

— Могу ли я спросить вас, синьора, о причинах вашего отъезда?

— Жизнь с Тейа стала совершенно невозможной. Я уже давно разочаровалась в нем, а в последнее время он стал делать мне совершенно невозможные сцены. В конце концов, я решила на развод и на немедленный отъезд.

— А ваш муж знал, что вы направляетесь на «Альдебаран»?

— Очевидно.

— Каков мог быть мотив его ездки на яхту?

— Не иной, как ревность.

Пигот запнулся в нерешительности. Видя это и зная застенчивость инспектора, вмешался Нунец.

— Не разрешите ли, синьора, просить вас более подробно рассказать нам о вашей последней размолвке с мужем?

— Я не делаю из этого никакой тайны. Мой муж косо смотрел на старинную дружбу с доном Фернандо. Последняя ссора была с его стороны просто вульгарной сценой ревности, во время которой он позволил себе произнести ряд ругательств и угроз против капитана.

— Благодарю вас, сударыня, — произнес Пигот, который боялся, как бы допрос не отклонился от намеченного им пути.

Повернувшись к Родериго, он спросил:

— Итак, к вам на борта поднялись Каучо и Тейа. В котором часу это было?

— В 9 ч. 50 м. Мы вкратце потолковали о странном происшествии с командой. Затем я предложил гостям выпить чего-либо и повел их в бар. Д-р Каучо должен был присоединиться к нам по окончании осмотра.

— В каком порядке вошли вы в бар?

— Синьора Тейа, синьор Тейа и затем я. Синьора попросила портвейна, а для себя с Тейа я стал готовить коктейль.

— Когда это было? Ровно в десять.

— А где находился Каучо?

— На палубе.

— А где были остальные?

— Козимо, Бассет и Уллохо на корме, занятые починкой какого-то брезента. Ван Хаас был в машинном отделении. Не знаю, где был кочегар Кнатц.

— Прикажите Кнатцу явиться.

Войдя, кочегар объяснил, что в 10 часов был занят осмотром содержимого своего сундука, т. к. опасался, что команда была усыплена в целях кражи. К счастью, все оказалось на месте.

Пигот все время тщательно записывал.

— Продолжайте! — сказал он капитану. — Вы приготовили коктейль...

— В это мгновение показался старик повар Рамон Педрильо с соломинками.

— И он вошел в бар?

— Не совсем. Я вспоминаю, что он подошел к двери, и что Тейа взял у него футляр из рук.

— И немедленно Рамон подошел ко мне на палубе, — заметил Каучо.

— После этого, — продолжал капитан, — мы стали пить. Тейа похвалил меня за искусство, с которым я приготовил коктейль. Мой гость выглянул в иллюминатор и сказал, что к нам подходит моторная лодка. Я сообщил, что поджидаю начальника полиции. Но, подойдя к иллюминатору, ничего не увидел, т. к. лодка успела уже обогнуть корму «Альдебарана». Мы все трое вышли на палубу, где я увидел Каучо разговаривавшего с Рамоном на пороге кухни. Было минут десять одиннадцатого. Я сразу установил, что в моторной лодке был не Нунец. Но мы все трое на мгновение не могли отвести глаз от лодки, которая летала, полным ходом на «Альдебаран» и избежала столкновения только смелым поворотом в последнюю секунду. После этого она стала удаляться. Прошла минута, две. Я повернулся к Тейа, но увидел, что его уже нет подле меня. Я обернулся к его жене, но и ее не оказалось на месте. Осмотревшись, я увидел, что Тейа говорит с доктором Каучо на пороге кухни. Рядом с ними торчал Рамон. Несколько изумленный, я решил, что синьора прошла в бар. Я направился туда же. За мной последовали Тейа, Каучо и Рамон, которые задержались на миг в центральном помещении. На все это ушло несколько секунд. Синьора Тейа в самом деле оказалась в баре.

— С какой целью вернулись вы в бар, сударыня?

— Чтобы взять сумочку, которую я там забыла.

— О чем говорили вы с Тейа, доктор?

— О мореплавании. Но Тейа едва отвечал. Я заметил, что он был чем-то озабочен и очень нервничал.

— А что произошло в баре между вами и синьорой Тейа, капитан?

— Я попытался уговорить синьору отказаться от намерения покинуть мужа. Должен сознаться, что позволил себе при этом несколько нелестных замечаний по его адресу. Как раз в эту минуту синьор Тейа показался в дверях. Он был явно раздражен тем, что застал нас вместе.

— Мог ли он слышать ваши слова?

— Я почти уверена, что это так и было, — вмешалась Лаура. — Он тотчас подозвал меня и вполголоса сказал мне, что жестоко отомстит капитану, ради которого я будто бы решила его бросить. Я возразила ему, что он говорит вздор. Весь разговор длился не более двух минут.

— А что вы делали, во время этого разговора, капитан?

— Не желая быть свидетелем супружеской сцены, я вышел из бара, и направился на кухню, чтобы поговорить с доктором. Но доктор был как раз занят осмотром ящиков с провизией, и я вышел, не обмолвившись с ним ни словом.

— Совершенно верно, — заявил доктор. — Что касается моих поисков, то они оказались совершенно бесплодными. Я вышел из кухни в ту самую минуту, когда капитан входил в бар.

— Ссора между супругами показалась мне оконченной, и я предложил им допить стаканы.

— Ваша ссора была, действительно, окончена, сударыня?

— По внешности, да. Я предупредила мужа, что, если он не перестанет мне досаждать, я уеду. Но раздражение его отнюдь не улеглось.

— И вот, — продолжал капитан, — мы все трое подошли к стойке и взялись за стаканы. Но Тейа едва успел поднести свой бокал ко рту, как упал навзничь.

ГЛАВА 9

Первые предположения

Пигот захлопнул записную книжку и посмотрел на небо.

— Благодарю вас, капитан. Я теперь вполне представляю себе внешний ход событий. Мне нужно еще вернуться к делу о странном сне вашей команды и допросить ваших людей. Не пройдете ли со мной, господин начальник?

Нунец слишком хорошо знал повадки Пигота, чтобы не понять своего помощника: тот явно хотел поговорить с ним наедине.

— Подождите нас здесь, — сказал он остальным. — Все это дело займет всего несколько минут.

Допрос в самом деле оказался недолгим и не дал ничего нового. Все были усыплены, но помимо этого, не могли указать ни на какое ненормальное явление. Снотворное, по-видимому, было совсем невинное, т. к. никто не мог пожаловаться на какое-либо недомогание. Никто не мог припомнить и того, чтобы почувствовал какой-либо особенный вкус в кушаньях или напитках.

— А между тем, — сказал Пигот начальнику, — снотворное могло быть дано этим молодцам, только в пищу.

— Это тем вероятнее, — заметил Нунец, — что капитан, еда которому готовится отдельно, не был усыплен.

После короткого молчания, он продолжал:

— Я понял, что вы хотели что-то мне сказать, Пигот. Есть у вас уже какая гипотеза?

— В 10 ч. 10 м., — ответил тот, — в стакане Тейа не было яда, т. к. он безнаказанно отпил из него. В 10 часов 12 м., когда он отпил из него вторично, — он мгновенно умер. Значит, яд был введен между 10-ю и 12-ю минутами одиннадцатого. Отбросим гипотезу самоубийства, в данном случае нелепую. Яд мог быть введен только в один из трех нижеследующих моментов. Во-первых, каким-либо, неизвестным человеком, скрывавшимся на рубке в то время, как все три лица, бывшие в баре, поднялись на палубу. Во-вторых, синьорой Тейа в то время, что она оставалась одна в баре, вернувшись туда раньше других. В-третьих, капитаном, который оставался несколько мгновений в одиночестве в баре, после того, как Тейа вызвал жену для объяснений. Первая гипотеза отпадает, т. к. выяснено, что на рубке не было постороннего лица. Остаются вторая и третья. До сих пор никаких оснований к тому, чтобы решить, которая из них вероятнее.

— И вы не видите никаких других объяснений?

По тону вопроса Пигот понял сокровенную тревогу начальника, которого связывала долголетняя дружба с Родериго. Подумав, он сказал:

— Впрочем, есть еще одна возможность. Яд мог быть подсыпан и самим умершим, когда все выходили из бара — подсыпан в стакан капитана, а затем стаканы могли бы быть обменены капитаном или синьорой Лаурой.

— Но это не очень вероятно, — заметил Нунец, — и к тому же ни капитан, ни синьора Лаура, не заявили, что они меняли стаканы. Между тем, такое заявление было крайне для них существенным, так как возлагало бы вину на Тейа, а с них снимало бы всякую ответственность.

— К черту, эту гипотезу! — резко заявил Пигот и замолчал. Молчание его было многозначительными, так как было равносильно обвинению или капитана, или вдовы умершего.

Молча они прошли в столовую. При входе их капитан поднялся.

— Понимаю вас, Нунец, — сказал Родериго. — Инспектор Пигот ничего не нашел. Но мысль, будто синьора Лаура может быть виновна — чудовищна. А я также невиновен.

— По-моему, — сказал Нунец, — дело покуда представляется еще очень туманным, но Пигот постарается разъяснить его и тем самым снять с вас обоих тяжкое подозрение.

ГЛАВА 10

Человек на моторной лодке

В этой, самый момент на палубе «Альдебарана» раздались резкие крики и топот быстро бегущих ног. Одновременно вновь раздался шум мотора на моторной лодке.

Пигот с Нунецом выскочили на палубу, как раз в тот миг, когда какой-то человек, за которым по пятам бежали Бассет и ван Хаас, соскочил с капитанского мостика, оттолкнул пытавшегося преградить ему путь юнгу Уллохо и бросился в воду. Он очутился подле самой моторной лодки, на которую его в мгновение ока втащили.

Пигот понял, что преследование было бы бесполезным и, недолго думая, выстрелил. Пуля шлепнулась в воду в нескольких шагах от моторной лодки, которая стремительно понеслась в открытое море.

При звуке выстрела, Каучо побледнел и вскричал. К нему с улыбкой бросился Нунец.

— Вполне понятно, что вы потеряли самообладание. Должен покаяться, что, как ни закален я службой, но странные происшествия сегодняшнего утра вывели и меня из равновесия.

— Знайте! — воскликнул вдруг овладевший собой Родериго. — Лодка та самая, которую увидел сегодня утром через иллюминатор Тейа.

Нунец с недовольным видом повернулся к Пиготу.

— Мы, кажется, сильно поплатились за то, что ограничили наши розыски рубкой. Нас заколдовала эта лестница, и мы решили, что убийца не мог ускользнуть другим путем. И вот результаты!

— Успокойтесь, г-н начальник, — сказал Пигот. — Присутствие этого человека на борту еще ничего не доказывает. К тому же полагаю, что будет не так трудно его найти. Я немедленно вернусь на берег и приму нужные меры.

— Весьма существенно, — заметил Нунец, — чтобы дело было сохранено в тайне. Вам, сударыня, придется пока отказаться от мысли ехать во Францию...

Синьора Тейа кивком головы выразила согласие.

— Вы собираетесь вернуться домой?

— Нет, я не могу на то решиться. Я поселюсь в Гранд Отеле, с хозяйкой которого хорошо знакома.

— Отлично. Прошу и вас, дон Фернандо, не покидать Сантандера.

— Я останусь на борту.

— Что касается меня, — заявил Каучо, — то вы знаете, что я всегда в вашем распоряжении.

— Благодарю вас! Сам я, — сказал Нунец, обращаясь к Пиготу, — тоже останусь пока что здесь.

Пришлите мне двух полицейских.

Уже держась рукой за перила, Пигот спросил Родериго:

— Вы, капитан, единственный из всех находившихся на яхте, не были усыплены, не так ли?

— Совершенно верно.

— Крепко ли вы спали? Матрос Козимо сообщает, что застал вас в 6 часов утра одетым, гладко выбритым, похожим на человека, который вовсе не ложился.

— Действительно, я не спал эту ночь. Я провел ее за изучением морских карт.

— И вы не слышали никакого подозрительного шума?

— Нет, решительно ничего.

— По-моему, — вмешался Каучо, — история с усыплением команды отлично может объясниться ошибкой со стороны старика Рамона. Со времен дона Карло на яхте осталось множество медицинских средств, и повар мог просто по ошибке подсыпать в еду какого-либо порошка вместо соли.

— И, конечно, капитан, — прибавил Пигот самым естественным тоном, — вы не покидали яхты в течение ночи?

Ко всеобщему изумлению, капитан смутился, и запнувшись, сказал:

— К чему бы я стал ее покидать?

— Боже мой, у человека может быть тысяча причин к тому, чтобы спуститься ночью на берег. Я не спрашиваю вас о причинах, а только о самом факте.

— Я предпочел бы, чтобы этот вопрос не был задан. Но раз он поставлен, я отвечу без обиняков. Сегодня ночью, между полночью и двумя часами, меня не было на «Альдебаране». Я находился в Сантандере.

— Я знал это, капитан. Не думайте, что я шпионил за вами. Только благодаря чистой случайности я видел, как вы пересекали Королевскую улицу... Теперь мне приходится спросить вас, где именно вы были сегодня ночью?

— К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос.

— Это меня совсем не устраивает, капитан.

Инспектор говорил прежним дружелюбным тоном, но Лаура вздрогнула при мысли о том, что могло скрываться под этим напускным добродушием. Родериго посмотрел на инспектора и прибавил:

— Решительно ничего не могу сказать!

— Тогда оставим этот разговор...

С этими словами Пигот прыгнул в лодку.

— Слушайте, Родериго, — вмешался Нунец. — Мы с Пиготом делаем все возможное, чтобы разъяснить запутанное и крайне неприятное для вас положение. Не осложняйте нам работы...

— Спасибо, друг мой, за ваши хлопоты. Я понимаю, что мне грозит гаррота, хотя я и не виновен, но, умоляю вас, не вынуждайте меня отвечать на этот вопрос...

Лодка, в которой находились доктор, инспектор и Лаура, отчалила от борта «Альдебарана».

ГЛАВА 11

Игрок в шахматы

В этот вечер, Нунец, вопреки привычке, не отправился в клуб. Проглотив наскоро обед, он надел непромокаемый плащ, кликнул своего верного друга, собаку Неро, и пошел на берег. Смеркалось, но силуэт «Альдебарана» был еще настолько отчетливо виден, что можно было разглядеть, как на палуба, какой-то матрос стирал белье. На мгновение показался старый Рамон. Внезапно он исчез, как бы провалился сквозь землю.

«В это время, — думал Нунец. — Родериго должен обедать, как всегда в полном одиночестве». Нунец погладил собаку и произнес сквозь зубы:

— Да, дружище, ужасно запутанное дело.

Собака залаяла, как бы в знак согласия.

На набережной показался Каучо. Мужчины молча пожали друг другу руки. Они стояли почти против кафе «Андалузия», славившегося хорошим вином. Кафе было полно. Со всех сторон доносились оживленные разговоры.

— Не зайдем ли и мы, Нунец? Нам нужно немного рассеяться после утренних событий.

— Что ж, пожалуй!

Если бы Нунец и Каучо были менее заняты своими думами, они сразу заметили бы сидевшего в углу небольшого роста старичка, который явно за ними наблюдал. Но они прямо прошли к свободному столику. На пути доктора окликнул один из посетителей, которого ром привел в очень благодушное настроение.

— Какими судьбами, доктор. Вот не ожидал видеть вас здесь!

— Что делать, — ответил доктор, узнавая одного из своих пациентов. — Как-то холодно стало, и мы решили вернуться сюда.

Каучо предложил Нунецу сыграть партию в шахматы, но лакей с отчаянным видом замахал руками. Он только что отдал последнюю шахматную доску никому неизвестному старичку.

На своем угловом столике старик расставил фигуры. Кончив, он откашлялся, выпил глоток рома, крикнул и двинул вперед белую пешку. Затем, не ожидая, чтобы к нему подошел какой-либо партнер, сделал ответный ход черными.

— Странный игрок, — прошептал Нунец. — Неужели он будет играть сам с собой?

Старичок, как ни в чем не бывало, поочередно передвигал белые в черные фигуры, напевая про себя какую-то песенку.

— Кто это? — спросил Нунец у Каучо.

— Понятая не имею. Какой-то иностранец, француз, если судить по покрою платья и шляпе.

Как бы угадывая, о чем идет речь, старичок запел громче — первые слова старинной провансальской песни.

Это был низкого роста худой человек с очень узкой, но удлинённой кверху головой. На вид ему, было лет шестьдесят. Бросались в глаза жидкие усы наподобие двух запятых, большие мешки под глазами, непропорционально большой рот и почти полное отсутствие подбородка. Глаза старичка выражали недюжинный, ум.

Его игра была очень странная. Он не разыгрывал партии, а то и дело ставил фигуры в безвыходное положение и искал способы, как бы их вызволить.

— Как глупо, — заворчал Каучо, — мы лишены возможности сыграть партию, потому что этому дураку угодно заниматься глупостями!..

Старичок временами почесывал себе нос и подносил к губам рюмку с ромом. Внезапным жестом он опрокинул все фигуры. Этого не стерпел Неро и, заворчав, подошел к беспокойному незнакомцу.

— Неро, сюда!

Собака послушалась не сразу, и Нунец поднялся.

— Прошу извинить меня, сударь!

— Не за что, сударь!

Осторожно погладив собаку по голове, старичок сказал:

— Неро! Какое красивое имя!

Поднявшись, он подал шахматную доску доктору Каучо, который немедленно начал расставлять на ней фигуры.

— Позвольте представиться, — продолжал старичок со старомодным поклоном. — Мосье Транкиль.

— Моя фамилия — Нунец. Я начальник здешней полиции. А это мой друг, доктор Каучо.

Предвкушая удовольствие игры, доктор рассеянно поклонился и двинул вперед пешку.

— Отвечайте, Нунец!

— Так значит, вы француз? — спросил Нунец, также передвинув пешку.

Незнакомец молча кивнул головой.

— И с каких пор вы изволите пребывать в наших краях?

— С начала недели, сударь.

Он вынул из кармана примитивный портсигар, служивший некогда коробкой для конфет против кашля, и стал рассказывать:

— У меня двухнедельный отпуск, я служу архивариусом в Периге. Мне давно хотелось познакомиться с Испанией, и в этом году я оказался в состоянии доставить себе это удовольствие. Завтра я собираюсь отправиться дальше, в Астурию.

Тем временем шахматная партия продолжалась. Нунец довольно смело двинул вперед пешку, затем другую.

— Играйте внимательно! — воскликнул Каучо. — Или я тотчас же разобью вас!

— Да, да, — заметил Транкиль, который в это время стал подниматься, чтобы покинуть кафе, — вам не следовало трогать этого офицера.

Он поклонился и направился к двери. Когда он вышел, Нунец спросил:

— Что он хотел сказать, упоминая об офицере?

— Почем знать. Всякий француз вечно болтает какие-нибудь нелепости.

Нунец задумчиво посмотрел через окно на старичка, который странной походкой, почти в припрыжку, направился в город. Затем его мысли вернулись к партии. Он тронул офицера и поставил его на другое поле.

— Ваш ход, Каучо!

Партия длилась уже довольно долго, а исход ее все еще не определялся. Вдруг дверь быстро отворилась, и в кафе вбежал мальчик лет десяти, с лицом, изрытым оспинами. Он направился прямо к начальнику полиции и произнес:

— Синьор Нунец, это для вас!

С этими словами он передал Нунецу сложенную вчетверо записку.

— Кто тебе дал ее? — спросил Нунец, который вздрогнул, кончив чтение.

— Какой-то господин на Королевской улице. Он спросил меня, знаю ли я синьора Нунеца. Я сказал — да. «Тогда ступай в кафе 'Андалузию' и передай ему это». Он сунул мне при этом в руку пол пезеты и прибавил: «Это от Пигота».

— Нет! — воскликнул Нунец, обращаясь к Каучо. — Эта записка не от Пигота. Это не его почерк, и к тому же он не знает, что я здесь. Какого вида был этот господин?

— Не могу сказать, сударь... Теперь уже довольно темно...

— А не говорил ли он с иностранным акцентом?

— Не заметил, сударь. А зачем вам это знать?

— Убирайся со своими глупыми вопросами!

Не обращая больше внимания на мальчика, Нунец передал записку Каучо. Тот прочел вполголоса:

Господину начальнику полиции следовало бы спросить капитана Родериго, почему, спустившись с синьорой Тейа в бар «Альдебарана» в 10 час. 15 мин. он сказал ей: «Вы ведь не отпили, из стакана, Лаура, не правда ли?»

Партия в шахматы так и осталась неоконченной.

ГЛАВА 12

Неожиданная встреча

На следующий день Нунец с утра явился к синьоре Тейа. Хотя было еще очень рано, она давно была на ногах. У нее был такой плохой вид, что у Нунеца сжалось сердце. Она молча показала ему на кресло.

— Скажите, синьор Нунец, есть ли у вас какие-либо новости?

— Новости есть, но не сказал бы, чтобы очень хорошие...

С этими словами Нунец протянул хозяйке дома записку, на которой рукой неизвестного было предъявлено страшное обвинение капитану Родериго.

Когда Лаура кончила чтение, он спросил:

— Обращался ли к вам капитан с этими словами? Не помнится, чтобы кто-нибудь из вас упомянул о них во время допроса.

— В записке написана сущая правда. Капитан, действительно, спросил меня, не пила ли я? Я ответила, что нет, и меня очень удивило, что мой ответ, видимо, сильно обрадовал капитана.

— Но почему вы не упомянули об этом эпизоде во время допроса?

— Имела ли я право это делать, раз Родериго, ваш друг, умолчал об этих, я уверена, лишенных всякого значения, словах? Если я отвечаю на ваш вопрос сегодня, то только потому, что уверена, что так же поступит и капитан. Но вы должны себе представить, насколько мучат меня эти слова. Я уверена, что капитан невиновен, но все говорит против него. Кто автор этой записки?

— Не знаю, но вот в чем дело. Слова капитана могли слышать только четыре человека: вы, Каучо и Тейа, которые были близко, и, может быть, старый Рамон на кухне. Тейа умер, Каучо утверждает, что ничего подобного не слышал, да к тому же он был со мной в то время, когда я получил записку; вы, конечно, не автор записки, крайне невероятно, чтобы им был и Рамон, но кто же тогда?

На лице Лауры отразилось столь сильное беспокойство, что Нунец счел нужным успокоить ее.

— Как ни тяжела новая улика, я по-прежнему остаюсь при убеждении, что Родериго невиновен... но это нужно доказать...

— Как я рада это слышать! Но окажите мне немного доверия и ответьте: вы считаете убийцей того человека, которому удалось ускользнуть с «Альдебарана»?

— К сожалению, у меня нет никаких оснований считать его виновником смерти вашего мужа. Он был на яхте с другой целью; он, может быть, усыпил экипаж с целью грабежа.

— А может быть, сам преступник автор записки?

— Сильно сомневаюсь в том, но должен сознаться, что дело запуталось до чрезвычайности.

Внезапно раздался резкий звонок. При виде показавшегося на пороге старичка, Нунец чуть было не подскочил. Это был вчерашний незнакомец из кафе.

Старичок почтительно поздоровался с Лаурой, а затем, повернувшись к Нунецу, вежливо протянул ему руку.

— Здравствуйте, синьор Нунец...

Нунец секунду поколебался, затем пожал протянутую руку и ответил:

— Здравствуйте, мосье...

— Транкиль, — закончил старичок. — Как видно, сама судьба сводит нас. Я всего четыре дня в Сантандере, и уже имею удовольствие вторично встретиться с вами.

Повернувшись к Лауре, он продолжал:

— Я узнал, сударыня, что вы живете в Сантандере. Будучи вашим соотечественником, я счел своим долгом сделать вам визит. Сознаюсь, что он не вполне бескорыстен. Я по профессии архивариус и всюду разыскиваю интересные документы. Отправляясь завтра в Астурию и плохо владея испанским языком, я решил обратиться к вам с просьбой указать мне адреса каких-нибудь французов, которые могли бы оказать мне содействие.

— Надеюсь, что смогу быть вам полезной, — ответила Лаура. — Я очень рада, что вы зашли ко мне. Так приятно встретить соотечественника на чужбине.

Мосье Транкиль галантно поклонился.

Нунец сосредоточенно смотрел на кончик сапога. Этот архивариус, дважды за 48 часов попадавший ему на пути, сильно заинтересовал его. Уж не он ли был автором записки? Ведь никто другой не знал о его, Нунеца, пребывании в кафе «Андалузия», которое никогда не посещал. Но какое отношение мог иметь мосье Транкиль к делу «Альдебарана»?

— Вы из самого Периге, мосье Транкиль? — спросила Лаура, обрадовавшаяся возможности поговорить о Франции.

— Нет, я из Талафе, из того же департамента, что и Периге. Вы знаете эти края?

— Нет, я с севера, хотя и родилась в Амбуаз на Луаре.

— Помню этот городок. Как-то проездом, я пил там кофе. Кофе, признаться, прескверный, но как великолепно Луара!..

— О, я надеюсь скоро увидеть ее берега... и остаться там навсегда.

Нунец поднялся.

— Я покину вас, что бы не мешать вам беседовать о вашей общей родине, — сказал Нунец.

Он уже было открыл дверь, когда Транкиль остановил его:

— Разрешите спросить вас, сударь, что вы думаете о преступлении на улице Трех Деревьев?

— На улице Трех Деревьев?

— Ну да. Говорят, это довольно любопытная улица. Я охотно бы посетил ее, если бы она не пользовалась столь дурной славой.

— Но ведь это старая история, — заявил Нунец, — она уже сдана в архив.

— Как так? Человек убит сегодня утром, а дело уже сдано в архив?

— Сегодня утром? Вы прямо поражаете меня, мосье Транкиль. Вам, может быть, покажется это смешным, но я еще ничего не знаю об этом деле, а вы, хотя и находитесь в городе всего 4 дня, уже осведомлены. Что же, эта улица причинила нам уже не мало хлопот...

— Как говорят, убит некто Грегорио, антиквар.

Нунец на секунду задумался.

— Еще одно слово, если позволите. Вы, кажется, знаете здесь всех. Так вот, знаете ли вы капитана Родериго?

— Вы говорите о собственнике «Альдебарана»? Я видел эту яхту, но не имею чести быть знаком с капитаном.

Нунец слегка улыбнулся. Его осенила новая мысль и он продолжал:

— Раз вам хочется познакомиться с улицей «Трех Деревьев», то почему бы вам не отправиться туда вместе со мной? Если вам улыбается мое предложение, заходите через четверть часа в ближайший полицейский участок, и мы отправимся дальше вместе.

Нунец, которому очень хотелось поближе познакомиться с таинственным французом, опасался, как бы тот не уклонился. Но нет. Лицо странного старичка просияло, и он ответил:

— Большое спасибо. Принимаю ваше предложение с удовольствием!

ГЛАВА 13

Новые предположения

Сделав несколько неудачных попыток найти Пигота, Нунец решил подождать его в собственном кабинете. Решение это оказалось тем более удачным, что Пигот был уже там, когда Нунец явился туда. Инспектор был примерно, в таком настроены духа, как собака, к хвосту которой привязали кастрюлю.

— Дурные вести, — сквозь зубы сказал он, не здороваясь. — Я прямо с улицы Трех Деревьев. Там сегодня утром убит человек.

— Дело идет об антикваре Грегорио, не так ли?

— Совершенно верно. А вы знаете, кто этот Грегорио?

— Какой-нибудь прохвост, как всякий человек, имеющий какое-либо отношение к улице «Трех Деревьев».

— Это так, но это не все... Грегорио — тот самый человек, который так ловко ускользнул из наших рук вчера утром, прыгнув с «Альдебарана» в моторную лодку.

Нунец нахмурил брови, а Пигот продолжал:

— Мы нашли его мертвым среди перевернутых кверху ногами старинных столов и стульев. У него раздроблен череп ударом тяжелой палицы — ее, всю окровавленную, нашли подле трупа. Она сейчас у эксперта, и очень любопытно, что он скажет на счет пальцевых отпечатков. Преступление открыто капралом Доменико при утреннем обходе.

— А кто наблюдает за «Альдебараном»?

— Пинцон и Квадрильо. Кстати, у нас в руках есть уже отчет судебного врача о вскрытии трупа Тейа. Он подтверждает смерть от цианистого калия.

— Так. Продолжайте.

— Преступление совершено около 6 часов утра. Таково мнение судебного врача, по словам которого смерть наступила мгновенно. Я оставил на месте сержанта Путильо, дав ему наказ разгонять любопытных, и поспешил сюда. Между этим делом и делом об убийстве на «Альдебаране» — явная связь. Преступление совершено не ради ограбления, так как на теле убитого найдено до тысячи пезет. Свидетелей никаких. Вы ведь знаете, что на улице «Трех Деревьев» свидетелей никогда не бывает.

— Так, но перейдем к другому вопросу. Мне представляется, что один субъект хочет провести меня. Не встречали ли вы за последние дни некоего француза Транкиля, архивариуса? Нет? Так вот прочтите и выслушайте.

Нунец передал Пиготу записку, которую он при столь таинственных обстоятельствах получил в «Андалузии», а затем рассказал о двух своих встречах с Транкилем.

— Что вы думаете об этой записке?

— Ну, для капитана она крайне неблагоприятна. Что касается ее происхождения, то пока не могу ничего сказать. Транкиля возьму под надзор. Дал ли он вам свой адрес?

— Отель «Черный Принц» на Вальядомедской улице.

— Сейчас же пошлю туда кого-нибудь. Но не удивлюсь, если адрес окажется вымышленным. Мне очень хотелось бы видеть этого субъекта.

Нунец улыбнулся.

— Он как раз выразил желание пройтись со мной, по улице «Трех Деревьев» и сейчас будет здесь. Хотя я не буду удивлен, если он и надует.

— Вот еще что... Родериго, по-видимому, замешан и во втором деле. Говоря откровенно, по моему мнению, он убил и Грегорио, и Тейа.

— Пигот, вы с ума сошли!

— Вот факты. Родериго сегодня ночью опять спускался на берег. Доменико видел, как он возвращался на борт в четверть седьмого, значит, через четверть часа после убийства Грегорио.

— Какое неприятное совпадение! — прошептал Нунец. — Но слушайте, Пигот! Сколько времени нужно для того, чтобы пройти от улицы «Трех Деревьев» до набережной?

— Полчаса, даже тридцать пять минут. Если бежать, то можно преодолеть, расстояние в двадцать минут.

— Слава Богу! Родериго не мог быть в шесть часов на улице «Трех Деревьев», если в четверть седьмого его видели в шлюпке...

На губах инспектора играла неприятная улыбка.

— Но на велосипеде можно покрыть расстояние в 8 минут. В шесть часов утра на улицах нет никого, и можно двигаться полным ходом.

— Ну?

— Дело в том, что полицейский Бартоломео сегодня в семь часов утра подобрал велосипед, брошенный в переулке вблизи от набережной.

Нунец задумался, но Пигот безжалостно продолжал:

— Знаете ли что, синьор Нунец, мы до сих пор не обратили внимания на одно существенное обстоятельство — на полную перемену облика капитана. Помните, каким он был шесть месяцев назад, когда бросил у нас якорь? Это был весельчак, проводившей время на берегу в веселой компании.

Через 3 недели наступила полная перемена. Родериго, все время только и говоривший, что о своем скором отплытии, застревает у нас. Экипаж подчиняется строжайшей дисциплине, на яхте устанавливается порядок, не отвечающий обстановке. Все это совершенно не объяснимо.

— Признаюсь, что и я не раз задумывался над этим вопросом и не находил ответа.

— А я нашел. Допустите, что в жизни Родериго есть тайна, какая-либо страшная тайна, что у него есть враги, стремящиеся его погубить. Может быть, обиженные сообщники, по какому либо делу, или люди, которым капитан нанес сильный ущерб.

Нунец пожал плечами. Рассуждения инспектора казались ему совершенно не вероятными. Но Пигот продолжал.

— Предположим, что Родериго стремился сбить своих врагов с толку и в этих видах и прибыл в Сантандер. Через три недели он узнает, что они напали на его след, что они здесь, в Сантандере. Кто эти враги: Тейа и Грегорио, или этот таинственный Транкиль? Не знаю.

Но что было делать капитану Родериго? Еще раз попытаться исчезнуть? Это показалось ему невозможным. Он решил остаться и приготовиться к борьбе. Он перестал сходить на берег: признак того, что он опасается за свою жизнь. Отсюда и железная дисциплина на яхте, чтобы не оказаться застигнутым врасплох.

Тем временем, капитан влюбился в синьору Тейа. В этом не может быть никаких сомнений. Тейа, по-видимому, что-то пронюхал из тайны капитана. Побуждаемый ревностью, он отправился на яхту, чтобы использовать свое открытие. Он угрожает — и немедленно находит смерть.

— Пигот, — прервал Нунец, — вы раб навязчивой мысли!

Пигот покраснел, что случалось с ним крайне редко. И подняв руку к небу, угрожающе, продолжал:

— Кто оказывается на «Альдебаране» единственным бодрствующим человеком в ночь перед убийством? Родериго! Кто совершает в эту ночь таинственную поездку на берег, и отказался дать какие-либо объяснения? Родериго! Кто приготовил коктейль, один глоток которого стоил жизни Тейа? Родериго! Кто, незадолго до драмы в баре произнес таинственные слова? Родериго!

Прибавьте к этому, что по наблюдениям опытного полицейского, Родериго сегодня в четверть седьмого утра отплыл с набережной на свою яхту, что на набережной найден брошенный велосипед и что, в шесть часов утра, в месте, отстоящем от набережной на десять минут велосипедной езды, найден убитым человек, который при таинственных условиях бежал с яхты вскоре после трагедии, и...

— Но почему вы связываете оба преступления?

— Они связываются единством лица — Родериго.

— Слушайте, Пигот, вы все-таки ничего не доказали. Все факты допускают и другое объяснение. Прежде всего...

Но Пиготу не суждено было узнать взглядов своего начальника. Дверь кабинета открылась, и в ней показалась маленькая фигура архивариуса.

— Как я рад, что вы еще не ушли! — произнес он. — Я так боялся опоздать!

ГЛАВА 14

Улица «Трех Деревьев»

Нунец, Пигот и Транкиль быстро зашагали по оживленным улицам.

— Улица «Трех Деревьев», — произнес, наконец, Нунец.

Это была, собственно говоря, не улица, а узкая щель между двумя рядами лавок, настолько узкая, что легко было перепрыгнуть с одной, стороны на другую. Население улицы состояло сплошь из торговцев и воров, причем почти невозможно было определить кто вор, а кто торговец. Скорее всего, каждый обитатель улицы был одновременно и тем и другим. В этом месте вор легко находил сбыт плодам своих преступлений, а блудный сын без затруднений сбывал шитое ему родителями пальто или сюртук. Само собой разумеется, что никаких деревьев на улице не было.

Тут между лавкой цирюльника и лавчонкой, в которой были выставлены кажется все орудия запрещенной рыбной ловли, помещалось и заведение, над которым красовалась вывеска: «Грегорио. Торговля антикварными вещами».

Пигот и его спутники остановились у входа. Им навстречу из лавки вышел сержанта Путильо.

Он держал в руках записку, которая оказалась заключением эксперта по дактилоскопии. Она была крайне кратка:

На дубине имеется только один, но зато крайне отчетливый отпечаток пальцев. Сравнение его с полицейской коллекцией не дало никаких результатов.

Еще на пороге Транкиль воскликнул:

— О-хо-хо! Борьба была жестока!

В самом деле, в лавчонке все было перевернуто вверх дном. В живописном беспорядке валялись стол, два стула, старинные часы, пара канделябров, три вазы.

При входе был низкий прилавок, за которым открывался люк, ведущий в сводчатое помещение в подвальном этаже, — там антиквар хранил наиболее ценные из своих приобретений. Около самого люка и лежало распостертое на спине тело Грегорио.

Ему было лет под пятьдесят. Это был человек гигантского роста, с круглым морщинистым лицом, совершенно лысый. Вид его был страшен, так как морщины его лица были полны запекшейся крови. Череп его был буквально размозжен страшной силы ударом.

На расстоянии двух метров от трупа валялось орудие преступления, старинная палица, может быть, еще времен войны с маврами. Толстый конец ее был запачкан кровью и мозгом. На рукоятке была грубо вырезана фамилия Грегорио.

Нунец и Пигот тщательно осмотрели помещение, но не нашли никаких следов, которые могли бы помочь им в розысках. Было ясно, что в лавку вошел какой-то человек, вступил с антикваром в борьбу не на жизнь, а на смерть, а затем исчез так же таинственно, как явился.

Нужно сказать, что полицейские заранее предвидели этот результат, и потому в действительности интересовались не столько предметами, находившимися в комнате, сколько поведением Транкиля.

Странный старичок сначала медленно обошел комнату, затем сел на низенький стул, сложил руки на брюшке и стал внимательно следить за действиями своих спутников. Если он был как-то замешан в дело, то хладнокровие его было поразительно.

Пигот быстро сообразил, как изловить француза.

— Человек, который пришел сюда утром, чтобы убить...

Но тут произошла неожиданность: инспектора перебил Транкиль, который заговорил медовым голосом.

— Прошу прощения! В действительности нападавшим был не таинственный посетитель, а антиквар, и убийство совершено в состоянии самообороны.

Сказав так, Транкиль вновь, как ни в чем не бывало сложил руки на животе.

— В состоянии самообороны? — недоверчиво произнес Пигот. — Грегорио, по вашему мнению, напал на неизвестного, явившегося к нему в 6 час. утра?

— Такова моя мысль.

— А я полагаю, что человек явился с целью убить.

— Нет, — настойчиво повторил Транкиль, — у него не было этой цели, а его вызвал на драку Грегорио.

Пигот умел быть терпеливым.

— Чертовски умен! — сказал он в сторону.

И, надеясь изловить Транкиля, прибавил:

— Может быть, вы открыли даже какую-либо улику, которая доведет нас до убийцы.

— Почему бы и нет? Пока могу сообщить, что он был в перчатках.

— Отлично! — иронически произнес Пигот.

Ирония инспектора однако, не вывела Транкиля из терпения.

— Мы уже знаем, что на этой палице остался только один отпечаток пальцев. Предлагаю сравнить его с пальцем убитого. Но оставим эту подробность. По-моему, сейчас нужно заняться не столько вопросом, о том, кто убил, сколько вопросом, как именно произошло убийство.

— Попробуйте, — прежним тоном вставил Пигот.

— Что ж, попробую. Я уже сказал, что неизвестный вошел отнюдь не для того, чтобы убить. Прибавлю, что он не был вооружен. В противном случае, как объяснить, что он оказался принужденным прибегнуть к этому странному орудию? И затем, каким оружием, полагаете вы, действовал Грегорио?

— Кулаком, вероятно.

— Нет! Посмотрите, какая масса всевозможного оружия здесь собрана. Среди этой массы палица была непродажной. Это показывает вырезанная на ней фамилия Грегорио. Взгляните теперь на эти царапины на стене за прилавком, в углу. В этом месте Грегорио, очевидно, держал «верную дубинку», на которую полагался при своей честной торговле. Обратите, далее, внимание на положение трупа и на сломанный и на продавленный стул, валявшийся в двух метрах от него. Могли ли, по вашему мнению, участники драки проломить его ногами?

— Нет, его проломил этой палицей. Но это доказывает только, что убийца достиг своей цели не с первого удара.

— Постойте! Видите эту глубокую царапину на паркете, в трех метрах от трупа? Она тоже сделана палицей. Теперь мы можем восстановить сцену.

Нунец и Пигот все внимательнее и внимательнее прислушивались к словам импровизированного сыщика!

— Неизвестный является, — начал Транкиль. — Лавка пуста. Он зовет Грегорио. Тот поднимается из люка. Начинается спор — о чем? Пока не могу сказать. Спор становится все более горячим и превращается в ссору.

Грегорио с дубиной в руке становится у дверей и закрываете собой выход: он скорее нападает, нежели обороняется. Его противник отступает и опрокидывает все эти вещи. Грегорио наносит удар, но его противник увертывается, и палица только проламывает стул. При этом она

вырывается из его рук и делает вот эту царапину на паркете. Незвестный быстро ее хватает и наносит смертельный удар антиквару.

Наступило длительное молчание. Нунец и Пигот старались решить, в какой мере рассказ мог быть правдоподобным и кто же такой этот Транкиль?

— Вы не страдаете недостатком воображения, Транкиль, — едко заметил Пигот.

— При чем тут воображение? — подхватил француз. — В том, что первый удар был нанесен антикваром, не может быть никаких сомнений. Палица была его привычным орудием, да только он и мог достать ее из-за прилавка. Я уверен, что сличение пальцевого отпечатка с его рукой вполне подтвердит мое предположение.

Старик оглядел своих собеседников и продолжал:

— Если бы неизвестный пришел, чтобы убить он устроился бы иначе. Он не дал бы Грегорио времени выйти из-за прилавка. Он мог, например, всадить ему пулю в лоб в то время, когда тот поднимался из люка. Я сказал, что он был в перчатках. И это станет бесспорным, когда выяснится, что пальцевый отпечаток принадлежит Грегорио.

Пигот и Нунец молчали. Старичок говорил так авторитетно, а объяснения его были так логичны! К тому же, их было так легко проверить. Пигот достал из печки немного сажи и покрыл ею пальцы убитого.

Внезапно он встрепенулся. Он почувствовал, что относится к рассуждениям Транкиля так, как будто тот профессиональный сыщик. Между тем, Транкиль был приведен на место преступления для того, чтобы самому быть уличенным.

— Ваше объяснение, — сказал Пигот, — настолько хорошо построено, что лишь немногие профессионалы были бы в состоянии дать что-либо лучшее. Но и очевидец преступления не мог бы лучше рассказать сцену убийства.

Транкиль сделал вид, что не понял намека полицейского.

— Вы льстите мне, инспектор. Но вы не изложили вашей гипотезы. Не сомневаюсь, что она крепче сколочена нежели моя.

— Я не собираюсь излагать вам своей гипотезы, — заявил Пигот, покрасневший, как пион.

Вмешался Нунец:

— Пойдем! Рассуждать мы можем и по пути, а видели мы достаточно.

Они собирались выйти, как вдруг Транкиль, присев на корточки, вынул из кармана складной нож и вставил его в щель около порога. Когда он поднялся на ноги, в руке у него оказался блестящий предмет.

— Вот, что ускользнуло от ваших глаз, господа! — сказал Транкиль.

Он показал при этом новенькую монету в одну пезету.

— Всегда так, — с комичным видом продолжал старичок. — Каждый день что-либо найду, то монетку, то неиспользованную марку, то поддельную жемчужину, но никогда ничего сколько-нибудь ценного.

С этими словами он тщательно завернул монетку в папиросную бумагу и спрятал ее в карман.

Нунец не выдержал.

— Не полагаете ли вы, мосье Транкиль, — сказал он, — что пора покончить с мистификациями. Кто вы такой и почему вы так осведомлены о деле?

Француз улыбнулся.

— Кто я такой? Мосье Транкиль. Я был, как имел честь уже докладывать вам, архивариусом. Но полученное мною наследство позволило мне оставить службу и заняться тем делом, которое я страстно люблю — разрешением сложных положений.

Таких положений, слава Богу, сколько угодно. Бывают они в шахматах, бывают они и в делах вроде того, которое сейчас занимает вас. Но я люблю и крестословицы, и шарады и ребусы...

Я приехал сюда только вчера, чтобы покопаться в одной тайне. Сознаюсь, что меня привлекла не только моя мания, но и симпатия, которую я питаю к своей прелестной соотечественнице синьоре Тейя.

— А, так вот причина вашего приезда! — воскликнул Нунец. — Вас интересует дело «Альдебарана». Но кто дал вам о нем знать? Синьора Лаура?

— Нет, ваш почтенный Бартоломео.

Нунец сделал раздраженный жест.

— Не сердитесь на Бартоломео. Мы познакомились с ним в Париже, три года назад. Помните дело об ожерелье герцогини д'Акоста, которое началось в Испании и кончилось в Париже?

— Еще бы! — воскликнул Нунец. — Два месяца ни о чем другом не говорили ни в Испании, ни во Франции.

— Так вот. Тайну эту удалось раскрыть вашему покорному слуге, к которому обратился присланный вами Бартоломео.

— Припоминаю, — заметил Пигот, который теперь смотрел на Транкиля с восхищением. — И когда ожерелье было найдено, то всех поразило, как это раньше никому не пришло в голову искать его там, где оно оказалось.

— Так всегда бывает, — скромно произнес француз. — Самые темные дела решаются простейшими способами.

— Но никто не узнал о вашем участии...

— Я потребовал, чтобы мое имя не было оглашено. С Бартоломео я встретился совсем случайно. Он рассказал мне о таинственном деле «Альдебарана». Он хотел представить меня вам, но я предпочел дебютировать инкогнито. Вы не сердитесь на меня?

— Конечно нет, — горячо ответил Нунец, протягивая Транкилю руку. — Мы с инспектором направляемся сегодня после полудня на яхту. Не хотите ли присоединиться к нам? Дело настолько запутано, что заслуживает вашего внимания.

— С удовольствием, — ответил француз. — Мне очень хочется побывать в баре.

Они расстались, Нунец и Пигот сочли долгом проверить утверждения Транкиля о своей самоличности. Но сделали они это только для очистки совести. Их убеждение было уже твердо: первоначальная гипотеза об участии Транкиля в обоих преступлениях была явно нелепа.

ГЛАВА 15

Три вопроса

Каучо беседовал на набережной с Пиготом и Транкилем, когда появился Нунец в сопровождении синьора Тейа.

— Возьмите меня с собой, Нунец, — взмолился доктор. — Я, конечно, буду совершенно бесполезен, но обещаю быть послушным и не мешать. А мне так хочется скорее узнать разгадку тайны!

— Что же, идем! — сказал Нунец, сжалившись над толстяком.

Родериго еще издали увидел приближение шлюпки.

— Какие вести несете вы, Нунец? — спросил он.

— Новости есть, — ответил начальник полиции, — но не блестящие. Мне придется задать вам несколько вопросов. Затем мы вновь осмотрим бар при участии мосье Транкиля, знаменитого французского сыщика-любителя.

— Желаете поставить мне вопросы? К вашим услугам!

— Первый вопрос. Сегодня около четверти седьмого видели, как вы направлялись на шлюпке к «Альдебарану». Нам очень важно знать, с какой целью вы посещали сегодня ночью Сантандер?

— Но я не был сегодня ночью в Сантандере, Нунец. Клянусь честью! Я чувствовал себя очень усталым, так как не сомкнул глаз в предыдущую ночь, и спал до 7 часов утра.

— Родериго, — раздраженно заметил Нунец, — один из моих подчиненных видел, как сегодня утром, около половины седьмого, человек в форме морского офицера причалил к «Альдебарану». С тех пор никто не покидал яхты. Этот вопрос должен быть выяснен. Можете ли вы доказать, что не покидали яхты сегодня ночью?

— Но как это доказать? Я не выходил из каюты, в которой проспал крепчайшим сном до утра.

— И никто из ваших людей не стучался к вам в дверь за ночь; вернее, на рассвете?

— Никто. Не то я немедленно вам об этом сказал бы...

— Был кто-нибудь на вахте в шесть часов утра?

— Да, Козимо на руле, механик в машинном отделении. Их вахта длится от 4 до 8 часов утра.
— Прикажите позвать этих людей. Начнем с механика. Пигот, допрашивать будете вы.
Вскоре показался голландец ван Хаас. Он казался очень усталым и держался рукой за щеку.
Ему было, видимо, не по себе.

— Ван Хаас, — холодно произнес Пигот, — я сейчас задам вам вопрос и прошу тщательно обдумать ваш ответ.

— Слушаюсь, но я не сделал ничего дурного.

— Это мы увидим. Вы были на вахте с 4 до 8 утра?

— Точно так. В машинном отделении.

— Что вы делали?

— Как что? Что полагается делать на вахте.

Человек был явно смущен и переминался с ноги на ногу.

— И тем не менее, вы спали от шести до семи...

Ван Хаас вытаращил глаза, топнул ногой и воскликнул.

— Спал? Я спал? С этим проклятым зубом, который чуть не свел меня с ума?

Он внезапно успокоился. На лицах присутствовавших играла улыбка.

— Верю вам. Значит, вышла ошибка. Но не заметили ли вы чего-либо особенного между четвертью и половиной седьмого?

— Нет, не заметил.

— Подумайте хорошенько. Не слышали ли вы, как приставала к «Альдебарану» лодка, а затем стука шагов по палубе?

Ван Хаас задумался.

— Лодки я не слышал, но шаги действительно слышал, так около половины седьмого.

У Пигота засверкали глаза.

— А! Так вы слышали! Но скажите, любезный, не представляете ли вы себе, кто именно разгуливал по палубе в половине седьмого? Может быть, вы случайно видели его?

— Вахтенный не имеет права покидать своего поста, — ответил голландец. — Но я все-таки знаю, кто это был. Для этого мне не нужно было его видеть. То был стук деревянных подошв старика Рамона. Это как раз время, когда он начинает работу. Я слышал, как он двигал кастрюлями и молот кофе.

Пигот сделал отчаянный жест.

— Благодарю вас, ван Хаас. Пусть войдет Козимо.

Матрос вошел со столь невозмутимым видом, что Пигот счел излишним повторять свою маленькую комедию.

— Козимо, — спросил инспектор. — Не заметили ли вы чего-нибудь особенного между шестью и половиной седьмого? Не ходил ли, в частности, кто-либо по палубе?

— Нет, господин инспектор, я никого не видел.

— Вы уверены в этом?

— Совершенно.

— Ну, а Рамон?

Козимо фыркнул.

— Ну, этот не в счет. Это же не человек, а какое-то недоразумение.

— Козимо, — строго сказал Пигот, — извольте оставить шутки до другого случая. Пришлите сюда Рамона.

Когда повар вошел, то присутствующим стало понятно заявление Козимо, до того дряхлым казался он. Родериго неоднократно предлагал ему уйти на покой, но старик всякий раз слезно молил дать ему умереть на «Альдебаране».

На вопрос Пигота, где он был в начале седьмого, Рамон стал что-то раздраженно бурчать себе в бороду. Понять можно было только то, что он, действительно, молот кофе в седьмом часу утра и что у него даже пригорела довольно значительная часть молока. Но он никого не видел, хотя у него еще были довольно хорошие глаза.

Пигот поспешил отпустить старика, который неожиданно пустился в бесконечные воспоминания о днях своей юности. Каучо провел в своей записной книжке три жирных черты. Все вопросительно посмотрели на него.

— Видите ли, — стал объяснять доктор, — я составил себе список людей, которых можно было бы заподозрить в преступлении. Только что я зачеркнул имена трех допрошенных. Если бы кто-либо из них даже сознался в преступлении, то я не поверил бы.

— Вычеркните также имена двух остальных членов команды и юнги, — заявил Родериго. — Я отвечаю за них.

— Вы уверены? — нерешительно произнес Каучо.

Он уже приготовился исполнить совет Родериго, как вдруг передумал и опустил карандаш.

— Нет, нет! Как знать? К тому же, в списке в таком случае осталось бы слишком мало имен. Я позволил себе, — смущенно прибавил он, — вычеркнуть также свое собственное имя.

Собеседники доктора не могли удержаться от улыбки.

— Не забывайте, Каучо, — заметил Нунец, — что у нас нет тех оснований вычеркивать ваше имя, которые побуждают вас к тому. Но вот в чем дело. Кто-то прибыл сегодня утром на борт. Допустим, что все допрошенные показали правду, что этот таинственный человек причалил к яхте и поднялся на нее так, что никто его не видел и не слышал. И так как никто не покидал «Альдебарана», то на его борту должен быть лишний человек. Значит, надо обыскать яхту.

Так и решено было поступить. Были тщательно осмотрены все помещения, отодвинуты все занавески, открыты все шкафы. На яхте не оказалось никого, кроме людей, внесенных в список доктора Каучо.

— Мой второй вопрос, — заявил вдруг Пигот, обращаясь к Родериго, — умеете ли вы ездить на велосипеде?

— И даже очень хорошо. В прежние годы я предпринимал на нем далекие экскурсии.

У Пигота дрогнули веки. Каучо понял важность вопроса и вдруг сделал карандашом какой-то знак в записной книжке. Поднявшийся на цыпочки Транкиль, видел, что он поставил крестик перед фамилией капитана.

— Родериго, — продолжал Пигот, — не приходилось ли вам встречаться с одним антикваром, по фамилии Грегорио?

— Антиквар Грегорио?

Капитан делал видимое усилие, чтобы вспомнить.

— Возможно, — ответил он, наконец, — не скажете ли вы мне, каков на вид этот человек? Я как-то заходил в одну лавку на улице Трех Деревьев, и мне запомнилось, что хозяин был лысый, на редкость некрасивый человек, крепкого сложения.

У Пигота вновь засверкали глаза.

— Он самый! Это был Грегорио. А теперь, капитан, представляете ли вы себе, кто был человек, который так поспешно бежал с «Альдебарана»?

— Я его почти не видел и потому не имею по этому вопросу никакого суждения. Что же, неужели этот человек и был Грегорио.

— Это был он! И он же убит сегодня утром. Вы понимаете теперь, почему нам так важно установить, кто был тот морской офицер, который прибыл к вам на борт сегодня в седьмом часу утра. Вполне возможна связь между убийствами Тейя и Грегорио.

— Судьба против меня! — воскликнул капитан. — Я не имею никакого отношения к обоим преступлениям. Вот при каких обстоятельствах я познакомился с Грегорио. Это произошло пять с половиной месяцев тому назад в Сантандере. Проходя мимо его лавочки, я случайно увидел в витрине полное собрание сочинений Лопе де Вега в хороших переплетах. Я зашел и купил книги. Сознаю, что я мало читаю, но у меня в каюте была пустая этажерка, и мне захотелось закрыть пустоту. С тех пор я больше никогда не видел Грегорио и не имею представления, зачем он был на «Альдебаране» в день убийства.

— Теперь последний вопрос, Родериго. Что вы скажете по этому поводу?

С этими словами Пигот протянул капитану записку, полученную накануне Нунецом. При чтении ее капитан вздрогнул.

— Судьба, действительно, немилостива ко мне. Да, я произнес эти слова. Во время допроса я не счел нужным их повторять, так как они не имеют никакого отношения к убийству, равно как моя ночная поездка в Сантандер. И теперь, как и по только что названному вопросу, я не имею возможности дать никаких дополнительных объяснений.

Эти слова вызвали удивление на лицах Нунца, Пигота и Каучо. Невозмутимым остался только Транкиль, который продолжал внимательно следить за капитаном. Он смотрел на него с ласковостью, и это хорошо заметила Лаура.

— Не кажется ли вам, Нунец, — заговорил вдруг француз, — что поставленный капитану вопрос наилучшим образом доказывает его невиновность? В самом деле, если бы капитан думал о яде, то его вопрос не имел бы никакого смысла. Цианистый калий, как знает всякий, убивает мгновенно, и капитану незачем было справляться у синьоры Лауры не пила ли она из стакана. Ясно, что синьора не прикасалась к нему, иначе она была бы мертва. Значит, капитан имел в виду нечто совсем другое.

Рассуждение было настолько убедительно, что Пигот не мог с ним не согласиться.

— Но кто написал записку?

— Ясно: кто-то находившийся в это время на яхте, и притом поблизости от бара.

При этих словах француз Каучо начал сильно волноваться.

— В центральном помещении, — заговорил Пигот, справившись со своей записной книжкой, — находились доктор Каучо, который беседовал с Тейа. На кухне был Рамон, а в баре синьора Лаура. Что касается Грегорио, то он был далеко.

— Тейа умер, — вмешался Нунец, — Каучо заявляет, что ничего не слышал. К тому же, он был со мной, когда мне доставил записку какой-то мальчишка. Рамон неграмотен. Остается синьора Лаура, но это предположение нелепо. Кроме того, в своем заключении, полицейский эксперт заявляет, что записка написана несомненно культурным человеком, привыкшим обращаться с пером.

— Да, — подтвердил Транкиль, внимательно рассмотрев записку, — ее писал скорее всего доктор, или адвоката: и те и другие славятся неразборчивостью почерка.

— Какой вздор! — воскликнул Каучо, от гнева. — Вы, как я вижу, намекаете, будто записку писал я. Я же утверждаю, что ничего не слышал. А по почерку автором ее мог бы быть и архивариус.

— Совершенно с вами согласен, — любезным тоном произнес Транкиль. — Но меня не было на яхте в то мгновение, а вы были. И очень похоже на то, что записку писали вы. Но в чьих интересах была она написана? В интересах убийцы!

Француз спокойно, точно не замечая действия своих слов, продолжал:

— Итак, только убийца мог написать ее, а, с другой стороны, ее некому было написать, кроме вас. Но успокойтесь доктор, — продолжал француз, не обращая внимания на отчаянную жестикуляцию старика. — Я не утверждаю ни того, что вы убили, ни того, что вы — автор записки. Я видел ваш почерк и имею еще и другие основания полагать, что записку составили не вы. Но пусть этот маленький эпизод кое-чему научит вас. Я видел, что вы легкомысленно поставили крест перед фамилией капитана, как несомненного виновника преступления. Убедитесь теперь, что в данную минуту все улики против вас и откажитесь от ремесла сыщика, в котором ничего не смыслите.

Отведя душу, Транкиль принял характерный для него чуть-чуть недоуменный вид. Пигот, который начинал находить, что француз забирает в руки руководящую роль в расследовании, слегка нахмурился. Каучо покорно принял выговор.

— Я был не прав, — сказал он, — я понимаю, что вел себя, как старый осел. Простите меня, Родериго, за то, что я осмелился заподозрить вас.

Достав записную книжку, он вырвал из нее знаменитый список.

— Пустяки, дружище! — произнес капитан. — По правде говоря, каждый имеет право меня подозревать.

ГЛАВА 16

Невидимый убийца

— Кто бы ни был автор письма, — заявил Нунец, — тайна бара остается полностью неразгаданной. Как мог убийца действовать и передвигаться в присутствии семи человек, из которых ни один его не видел?

— О том, как он мог войти в бар и выйти из него, оставшись незамеченным, у меня уже есть некоторая гипотеза, — спокойно заявил Транкиль. — Разгадка, по-видимому, крайне проста. Возможно, что я еще кое-что прибавлю к этим словам после того, как осмотрю бар.

Пигот раздраженно передернул плечами. Как смел этот француз надеяться найти что-либо там, где ничего не нашел он, Пигот?

Маленькая группа направилась к бару. С палубы доносился звонкий голос Уллохо, который распевал какую-то цейлонскую песенку, подслушанную им за время прошлой годней стоянки в Коломбо.

Транкиль медленно обошел бар.

— Этот бар, — сказал он, — самое обыкновенное помещение. В него не ведут никакие таинственные ходы... Прекрасно! Это значит, что нам следует искать убийцу среди лиц, хорошо знакомых с «Альдебараном». Этот человек должен был совершить убийство при помощи психологического приема. Я выражусь яснее попозже, когда буду располагать данными, которых у меня пока еще нет. Я не сомневаюсь, что мы найдем этого человека. Ибо, обратившись в бегство, он выдал бы себя.

— Но Грегорио бежал! — воскликнул Нунец.

— Как отлично выяснил инспектор Пигот, Грегорио никак не мог налить яд в стакан Тейа. К тому же, он отнюдь не принадлежал к окружению капитана Родериго.

— Вы говорите о психологическом приеме, мосье Транкиль, — опять заговорил Нунец. — Со своей стороны, я опасаясь отвлеченных рассуждений. Все они строятся на предположении, что человек есть существо, действующее логично, а я давно убедился в том, что это не так.

— Значит, ложна применяемая вами логика. Я утверждаю, что люди так же мало могут избавиться от повиновения законам логики, как числа от подчинения законам математики. Часто кажется, что человек действовал нелогично. Но подумайте, и вы убедитесь, что его поступками руководила высшая логика.

Говоря так, Транкиль продолжал осмотр. Внимательно оглядел иллюминатор и передвинул бутылки на прилавке. Наклонившись, что-то поцарапал на ковре. Поднял футляры от соломинок, которыми пренебрег Пигот и быстро отбросил их.

Он казался озабоченным; внезапно зашагал по комнате и стал вполголоса считать шаги; измерил также высоту иллюминатора над ковром. После этого задумался и, видимо, стал производить какие-то арифметическая выкладки.

Наконец, подняв голову, он заявил:

— Бар мог сказать мне немного. Впрочем, то, что он мог, он мне сказал, но я еще не вполне понимаю...

Затем он попросил Пигота осмотреть вместе с ним остальные помещения рубки. Осмотр был недолг. Проведя безрезультатно несколько времени на кухне, в каюте капитана и в столовой, Транкиль направился в гостиную.

Родериго объяснил французам то самое, что рассказал несколько раньше Пиготу.

— Гостиная сохранилась в том виде, в каком она была при жизни моего дяди. Дон Карло был большим любителем бабочек и держал тут свою коллекцию. В это помещение заглядывает один Уллохо, на котором лежит обязанность проветривать его и стирать пыль.

На лице Транкиля отразился сильнейший интерес.

— Итак, — заметил он, — ваш дядя собирал бабочек. Я очень хотел бы взглянуть на те витрины, в которых помещается его коллекция.

Три низких кресла старинной работы, большой стол и два угловых дивана были покрыты серыми чехлами. У одной из стен виднелось несколько стеклянных шкафов. На среднем столе

была устроена витрина горкой. Через стекло видны были пестрые крылья бабочек; впрочем, довольно, смутно, так как в помещении царил полумрак.

Родерико подошел к иллюминатору и привел в движение механизм, подымавший шторы. Тотчас же в гостиной заиграло солнце.

— Дядя мой, — заговорил Родерико, — был большой чудак. Последние годы жизни он провел почти безвыходно в этом помещении, любясь собранными им сокровищами. Здесь застигла его и смерть. Старый Рамон нашел его неподвижным вот в этом кресле с великолепным экземпляром сфинкса в руках. Повар нарушил строжайший запрет никогда без зова не являться в эту комнату, так как дон Карло не вышел к обеду, несмотря на трехкратный призыв колокола. Это случилось три года тому назад. Но взгляните на эту бабочку. Краски ее крыльев так свежи, будто она сегодня утром еще порхала по тропическому лесу.

— Бабочки... — перебил его Транкиль. — Я знаю, несколько любителей бабочек. Все это были мечтатели, чувствительные души...

— Должен вас предупредить, мосье Транкиль, — несколько обиженным тоном заявил Пигот, — что я уже осматривал это помещение и не нашел решительно ничего.

— Не обескураживайте меня заранее, инспектор, — мягко возразил Транкиль.

В средней витрине теперь сверкали самые ценные и редкостные экземпляры коллекции дона Карло. Некоторые из них имели до тридцати сантиметров в длину и им мог бы позавидовать и королевский музей в Мадриде.

Транкиль внимательно рассматривал Уранию из Бразилии, Морфо с Мадагаскара, Данаиду из Персии, Аполлона со склонов Гималаев и «парижскую бабочку» с Новой Гвинеи. В центре красовался тот самый «сфинкс», которым в смертный час любовался основатель коллекции. Все присутствующее тщетно старались понять, что именно могло интересовать француза.

Наконец, он обернулся и обратился к капитану:

— В этих ящиках, — он указал на нижнюю часть застекленных шкафов, — находятся, вероятно, менее ценные части коллекции, равно как предметы, которыми ваш дядя пользовался при ее составлении?

— Конечно. Не угодно ли вам будет взглянуть?

— Мне нужно осмотреть все ящики, не пропуская ни одного.

В большей части ящиков, как и в витрине, находились тщательно приколотые бабочки с этикетками. Но в одном из ящиков оказался набор инструментов: коробочки с длинными иглами, бутылочки с клеем, пробковые пластинки, сети, баночки с разными жидкостями, шприц Праваца и тысяча других предметов.

Транкиль тщательно осмотрел все, открыл каждую коробочку, заглянул в каждый угол, не пропустил и тех мест, где, видимо, хранились редко употребляемые предметы.

Пигот и Нунец смотрели на эти розыски с легким скептицизмом. Как ни велико было их уважение к талантам Транкиля, они не могли отделаться от мысли, что тот попусту теряет время. В конце концов, старичок счел дело конченным, вынул носовой платок и стал стирать с рукавов пыль.

— Один вопрос, капитан. Часто ли вы бывали на «Альдебаране», пока был жив ваш дядя?

— Очень редко. Я плавал тогда на одном из пароходов трансатлантической компании и отпуска почти всегда проводил в заокеанских странах. Дон Карло также много путешествовал в связи со своей страстью к бабочкам. Но это не мешало нам очень любить друг друга.

— А команда была та же самая?

— Почти. Два месяца тому назад я заменил кочегара Гвинейру Кнатцем. Потом — при дяде не было юнги: Уллохо я взял сам.

— Благодарю вас. Я хотел бы теперь допросить Уллохо.

Юнга, мальчик, лет 16, произвел на всех очень приятное впечатление.

— Скажите, молодой человек, — начал Транкиль, — вам поручена забота о чистке в рубке?

— Да, синьор, я подметаю каждое утро.

— И вчера вы подметали бар и смахивали здесь пыль? Впрочем, здесь ее не мало...

— Да, синьор, вчера, как и всегда, я подметал бар в половине девятого. Сегодня я не мог этого сделать, так как дверь была закрыта на ключ. А здесь я убираю только раз в неделю. Сюда ведь никто не заходит.

Мальчик вышел, и Транкиль обратился к капитану.

— Входили ли вы вчера в бар между половиной девятого и десятью?

— Нет, я туда не входил. За эти часы там не было никого.

Транкиль потер руки.

— Мне кажется, — сказал он, — что «Альдебаран» рассказал мне все, что мог; по крайней мере, на сегодня.

— Насколько я понимаю, — лукаво заявил Пигот, — ваши розыски оказались удачными. Значит, вы нашли то, что искали, среди всех этих старых коробочек и бутылочек?

— Дорогой мой, — ответил Транкиль, — по правде говоря, я ровно ничего не нашел, но это-то меня и радует. Я был бы в отчаянии, если бы нашел одну вещь...

Инспектор покачал головой, давая понять, что он не очень верит двусмысленным словам старичка, — француз, по его мнению, блуждал в потемках и только старался выгадать время.

На лестнице послышались шаги.

— А, это Доменико!

В самом деле, это был полицейский Доменико в сопровождении кочегара. В руках полицейского был конверт, который он передал Нунецу.

Ознакомившись с содержанием бумаги, Нунец отозвал в сторону Транкиля и Пигота и сказал:

— Bravo, мосье Транкиль. Вы угадали. Отпечатки пальцев на палице, действительно, оставлены Грегорио. Значит, антиквар действительно имел ее в руках и сам напал на своего посетителя. А человек в перчатках только защищался. Но ради чего он пришел в лавку Грегорио?

— И что делал на берегу, — шепотом прибавил Пигот, — капитан Родериго через четверть часа после убийства?

Транкиль покачал головой. Загадки все нагромождались и начинали казаться неразрешенными.

ГЛАВА 17

Просьба Транкиля

Больше всех это чувствовал сам капитан. Подавленный усталостью, он сказал Нунецу:

— Все улики против меня. Я отлично это понимаю. Что же вы медлите? Арестуйте меня!

Голос капитана прерывался от волнения. Он печально взглянул на Лауру. От волнения черты ее лица изменились до неузнаваемости.

— Все нет, капитан, — вмешался Транкиль. — Я уже раз имел случай показать, что улика, которая, по-видимому, сильнее всего должна говорить против вас, на самом деле — свидетельство в вашу пользу. Капитан, не согласились ли бы вы, вместе с синьорой Лаурой, восстановить сцену в баре?

— С удовольствием.

— Мы попросим доктора сыграть роль Тейя. Вас же, синьора, и вас, капитан, прошу занять те самые места, на которых вы находились, когда пили в первый раз.

Названные Транкилем лица покорно подчинились. Сам Транкиль начал суетиться подле них, напоминая фотографа перед съемкой группы.

Наконец, он почувствовал себя удовлетворенным и отошел за прилавок.

Участники сцены сначала сделали вид, что пьют, а потом вышли. Вслед за тем синьора Лаура вернулась одна. Наступило маленькое замешательство.

— Что же вы не берете своей рюмки, сударыня? — мягко спросил Транкиль.

Лаура испуганно посмотрела на него и затем дрожащей от волнения рукой подняла рюмку.

— Вы не отпили, Лаура, не так ли?

Лаура отрицательно покачала головой и хотела продолжать, как вдруг раздался голос Транкиля:

— Благодарю вас. Достаточно.

Синьора Тейа пристально посмотрела на француза. Тот улыбнулся, и эту улыбку заметил и капитан Родериго. Если опыт и имел какой-то смысл, то его не понимали ни Пигот, ни Нунец, ни Каучо.

Транкиль предложил всем свои отвратительные папиросы. Никто не посмел отказаться. Сам он погрузился в размышления.

— Насколько я понимаю, — резко сказал Пигот, который пришел в очень скверное расположение духа, — ваше расследование кончено. Нет никаких препятствий к тому, чтобы нам всем подняться на палубу?

— Да, — тихо произнес Транкиль, — мы можем подняться.

— Так пойдем. Ступайте, Доменико, — сказал Пигот, обращаясь к своему подчиненному.

И вдруг раздраженно прибавил:

— А вы, что тут делаете? Кто позволил вам здесь присутствовать? Убирайтесь и поскорее!

Это относилось к кочегару, еврею Кнатцу, который присутствовал при восстановлении сцены, но которого тогда никто не заметил. Не произнеся ни слова, он исчез. За ним поднялись Пигот, Родериго, Каучо и Лаура.

Последним поднимался Транкиль. Его раздумье было так глубоко, он споткнулся и непременно упал бы, если бы Родериго не поддержал его своей железной рукой.

Поднявшись на палубу, француз тихо сказал Нунецу:

— Эта драма много сложнее, нежели можно было думать, друг мой.

Родериго, облокотившись о перила, слушал шум волн.

— Как вы любите море, капитан!

— Ах, мосье Транкиль, в нем сосредоточивалась вся моя жизнь!

Чтобы скрыть охватившее его волнение, капитан положил на столик свою папиросу и стал завязывать шнурок на ботинке.

Транкиль положил свою папиросу рядом с окурком капитана и стал что-то разглядывать на берегу. Когда он кончил, он протянул руку за своим окурком, и чуть было не взял окурка капитана. Тут Родериго с неожиданной поспешностью взял Транкиля за руку и произнес:

— Дорогой мой, сделайте мне удовольствие, отведайте мою гаванскую сигару.

И протянул старичку свой портсигар. Транкиль взял, и оба закурили.

Около «Альдебарана» покачивалась шлюпка, доставившая сыщиков. В ней уже находились Лаура, Каучо, Нунец, Пигот и Доменико. Попрошавшись с капитаном, к ним присоединился и Транкиль.

По пути к берегу, француз оставался молчалив и лишь нехотя отвечал на вопросы Нунеца и Пигота.

— Лучше расскажите мне о Родериго, — сказал он, наконец. — Редко симпатичный человек. При каких обстоятельствах вы с ним познакомились?

— Мы познакомились еще во время войны. Мы оба служили добровольцами в британской армии. Затем неожиданно встретились здесь шесть месяцев тому назад.

В нескольких словах Нунец описал прибытие Родериго в Сантандер, внезапную перемену в его характере и его одинокую жизнь на «Альдебаране».

Шлюпка пристала к берегу, и пассажиры стали прощаться. Транкиль сделал несколько шагов с Нунецом.

— Скажите, — спросил тот, — есть ли у вас какие-либо предположения, объясняющие убийство Тейа?

— Пигот уже решил: романтическое преступление. Но это объяснение годится только в том случае, если допустить, что преступление совершено Родериго или Лаурой. Если отбросить такую возможность, то такое объяснение становится нелепым.

— Я, со своей стороны, не имею ни малейшего представления о том, кто может быть убийцей. А с другой стороны, без мотива не убивают. Пожалуй, если покопаться хорошенько в жизни Тейа, можно будет наткнуться на объяснение.

— Вы решительно, ничего не нашли бы, друг мой. Но вы правы: убийства без мотива не совершают. Я много раздумывал над этим и пришел к выводу, что не было никакого повода к убийству Тейа. Разве это не открывает широких горизонтов?

К ним подошла Лаура, и Транкиль предложил ей проводить ее до отеля, на что она охотно согласилась.

— Верите ли вы в телепатию, мосье Транкиль?

— А вы?

— Верю. И, вообще, я очень суеверна.

Мимо них медленно проходила черная кошка, и Транкиль, показав на нее, произнес:

— Признак удачи, не так ли?

Лаура с улыбкой наклонила голову.

— Я не спрашивал вас, сударыня, как вы объясняете слова капитана: «Вы не отпили, не так ли». Так вот я нашел объяснение, когда находился на яхте. А теперь я понял причину вашего возвращения в бар. Но вот вы и дома. Спокойной ночи!

Медленными шагами он пошел дальше по улице. Поднявшийся туман скрыл его маленькую фигурку.

ГЛАВА 18

Исчезновение Моисея Кнатца

Следующей день не дал ничего, но последующий принес новую сенсацию.

Около часа дня без вести пропал кочегар Моисей Кнатц, тот самый который присутствовал при восстановлении сцены в баре.

В полдень, сменившись на вахте, он спустился на берег, сказав, что намеревается позавтракать в городе.

И, в самом деле, он позавтракал в одном ресторанчике, который удалось без труда найти. Оттуда он направился в велосипедный магазин и взял там на прокат велосипед. Далее видели, как он направился к югу по большой дороге.

Но этом оканчивались результаты расследования. К 4 часам Моисей не вернулся. Не вернулся он ни вечером, ни ночью.

На следующее утро Пигот лично возобновил розыски. Ему удалось неопровержимо выяснить, что Кнатц в самом деле, покинул город через вальядомдскую заставу. Далее след терялся.

После полудня Пигот, вместе с Нунецом и Транкилем, предпринял экспедицию до деревушки Торредевега. Не обнаружив решительно ничего, все трое были уже недалеко от заставы, как вдруг Нунец предложил отдохнуть у доктора Каучо, домик которого был поблизости.

На входной двери была пришпилена записка: «Нахожусь в саду».

Нунец, который хорошо знал жилище доктора, открыл калитку около домика, и все трое оказались в саду.

— Где вы, Каучо? — крикнул начальник полиции.

Из-за дерева тотчас же показалась фигура доктора. Он казался смущенным, так как был с ног до головы перепачкан в земле. Тем не менее, он приветливо замахал шляпой.

— Кажется, будет удача, — крикнул он.

— В чем?

— Да в моих посадках. Я убираю гиацинты и сажаю на их место хризантемы.

Вошедшие ожидали не того и потому ничего не ответили.

Не смущаясь, Каучо продолжал:

— Вы прочли мою записку? Но входите. Давайте выпьем чего-нибудь. Впрочем, нет. Раньше вы должны взглянуть на мои посадки.

— В другой раз, дружище! — заявил Нунец. — Мы очень спешим. Вы уже знаете новость?

— Знаю, но несколько не смущен. Мне кажется, что между исчезновением кочегара и тайной «Альдебарана» нет ничего общего. Уверяю вас, друзья, просто он увлекся какой-нибудь бабенкой. Пройдет несколько дней, и он явится с повинной. Но вам, конечно, лучше знать.

Нунец спросил наудачу, не видел ли доктор кочегара. Оказалось, что Каучо провел послеобеденные часы предыдущего дня довольно далеко от города, у изголовья больного. Тема его не интересовала, и он шуточками уклонился от попытки Нунца к ней вернуться.

Направляясь к городу, сыщики пытались формулировать выводы. Было ясно, что дело не могло идти о какой-либо драке, в которой Кнатц мог быть ранен: его нашли бы живым или мертвым. Убийство, с целью грабежа тоже казалось невероятным: кто нападет на моряка, у которого не могло быть много денег?

Оставалось одно предположение — бегство. Оно подтверждалось тем обстоятельством, что кочегар покинул город на велосипеде. Велосипед — идеальное средство передвижения, когда нужно быстро скрыться, не привлекая внимания, — его так легко спрятать где-либо в зарослях.

Но все помнили слова Транкиля, который заявил, что всякое бегство будет равносильно сознанию. Значит, кочегар играл какую-то роль в трагедии, развернувшейся на «Альдебаране». Впервые казался выбитым из колеи сам Транкиль. Чувствовалось, что он перестает понимать происходящее.

Пигот ухмылялся: смущение француза льстило его самолюбию.

ГЛАВА 19

Том XIII

В течение нескольких дней Пигот со свойственной ему настойчивостью, охотился за исчезнувшим кочегаром. Он покидал дом на заре и возвращался, когда было темно. Он уезжал далеко в горы, но напрасно: нигде ему не удалось найти и следа беглеца.

На четвертый день он понял, что с этой стороны не добьется ничего, и решил приступить к розыскам с другого конца.

Войдя в лавку убитого антиквара, он стал осматривать его богатства. Долго ему не попадалось под руку ничего интересного. Он уже собирался уходить, как вдруг его взгляд упал на растрепанную книгу. Книга эта оказалась XIII томом полного собрания сочинений Лопе де Вега. Это было хорошо известное Пиготу издание, — его выпускали в продажу только в определенном переплете. А книга была вырвана из переплета; кроме того, в ней не хватало нескольких десятков страниц.

Осененный внезапной мыслью, Пигот поспешно вышел и направился на «Альдебаран». Он провел всего несколько мгновений в каюте капитана, но вышел оттуда с торжествующим видом.

Тем временем, Транкиль не выходил из комнаты. Он жаловался на боль, заставлявшую опасаться аппендицита. Нунец советовал ему обратиться к хирургу, но он резко отклонил такой совет, утверждая, что хирурги всего мира не более, чем мясники.

Но боли не мешали ему раздумывать над делом «Альдебарана». Куря без перерыва папиросы, он перебирал в мозгу все, что ему было известно, с той методичностью, с какой он разбирал возможные в данном положении шахматные ходы.

И всегда мысль его спотыкалась об один и тот же вопрос: каково могло быть соотношение между делом «Альдебарана» и смертью Грегорио?

Ясно, что такую связь можно было найти только в книгах, некогда купленных Родеригу у Грегорио.

— Но я же видел эти книги! — вдруг воскликнул Транкиль. — Я даже запомнил одну маленькую подробность, когда я находился в каюте капитана. И как я мог об этом забыть?

Он встал, надел пальто и шляпу и вышел.

По пути он встретился с Пиготом. Тот буквально сиял и участливо спросил Транкиля о состоянии его здоровья.

Возвращаясь с «Альдебарана», Транкиль казался несколько смущенным. Он просмотрел полное собрание сочинений Лопе де Вега. Ни один из 35 томов не давал теперь пищи для какого бы то ни было умозаключения.

— Неужели эта подробность мне только померещилась? Или нет? Неужели Пигот предупредил меня? Слишком уж он сиял, когда мы встретились. Нужно будет проверить.

В течение дня Транкилю удалось получить отпечаток пальцев инспектора, который при этом ничего не заметил. План Транкиля был прост: он сводился к тому, чтобы установить, нет ли на томах Лопе де Вега таких же отпечатков. Когда Транкиль вновь оказался в каюте капитана, он с трудом подавил проклятие. Тома были переставлены в обратном порядке: там, где вчера Транкиль видел том I, стоял XXXV, и, наоборот.

Кто мог их передвинуть? Конечно, не Родериго, который никогда не прикасался к этим книгам!

Проявить при помощи порошка пальцевые отпечатки на переплетах было не слишком длинным делом. Когда Транкиль кончил, он оказался перед поразительным результатом. На XIII томе оказались следы пальцев Пигота, а на всех остальных не было никаких.

Для Транкиля, который в свое время разрешил тайну палицы, послужившей к убийству Грегорио, вывод был ясен:

— Убийца Грегорио, человек в перчатках, побывал на «Альдебаране».

Несколько минут Транкиль провел в безмолвии, куря одну за другой свои отвратительные папиросы. Наконец, он встал и направился на берег. Почти немедленно он встретил полицейского Бартоломео, с которым длительно беседовал. Беседа эта имела тот результат, что тот попросился в отпуск, который и был ему предоставлен.

Как раз накануне Пигот, переговорив с Нунецом, взял из полицейского гаража мотоцикл и направился в горы. Через два дня после того, как отправился в отпуск Бартоломео, Транкиль получил телеграмму и немедленно покинул Сантандер.

ГЛАВА 20

Кармен

На вокзальной площади городка Рейноза, лежащего на пути из Сантандера в Вальмдолид, есть небольшое кафе, носящее название «Роза Кастилии». В этом кафе с утра сидел Пигот, который вдруг настораживался, когда проходили пассажирские поезда.

Часы тянулись медленно, и Пигот совсем бы погиб от скуки, если бы не одно счастливое обстоятельство: дочка хозяина, подававшая пиво и вино немногочисленным посетителям, была на редкость хороша.

При виде ее, у Пигота начинало усиленно биться сердце. Но в обращении с женщинами он совершенно терялся и потому ограничивался тем, что постоянно подзывал синьорину, чтобы спросить у нее то кружку пива, то коробочку папирос, то еще что-либо.

Приближалось время прихода скорого поезда из Сантандера, отправлявшегося дальше, в Мадрид — и площадь оживилась. Торговки выставляли лотки с фруктами, газетчицы аккуратнее раскладывали свой товар. На площадь прикатило несколько допотопных экипажей.

В кафе вошло два новых посетителя.

— Две кружки пива, синьорина Кармен, — произнес один из них.

У Пигота дрогнуло сердце. Теперь он знал, что «ее» зовут Кармен. С какой изумительной грацией поставила она на стол кружки!

Внезапно раздался свисток. Пигот стал посматривать через окно на выход с вокзала, и вдруг вздрогнул: он ждал совсем не того человека, который появился на площади.

Веселый, совсем забывший о своих болях, в кафе направлялся Транкиль. Пигот встал. Он сообразил, что у него нет иного способа избежать встречи, как запереться в уборной.

Оттуда он услышал, как француз по имени поздоровался с Кармен и спросил ее, нет ли писем на его имя.

— Письмо на имя синьора Транкиля? Есть! Оно пришло сегодня утром. Но не угодно ли вам будет присесть? Вы, должно быть, устали с пути?

— Нет, прелестная барышня, не присяду, так как у меня есть спешное дело в Санта Мария де Кавон. Как туда попасть?

— Но туда 20 километров, синьор.

— В молодости я хаживал и больше, синьорина. Но нельзя ли туда как-нибудь иначе добраться?

— Есть дилижанс, но он ходит только один раз в день. Вам придется ждать до завтрашнего утра.

Потом, указав на возниц, девушка задумчиво произнесла:

— Если бы кто-нибудь из них и согласился подвезти вас, то я не представляю себе, как...

Однако, Транкиля уже не было больше в кафе. Бросив на прилавок газету, он побежал по площади, чтобы догнать последнего из возниц, которые, не дождавшись пассажиров, отправлялись восвояси.

— Чем могу служить, достопочтенный синьор?

— Можете ли вы доставить меня сегодня до вечера в Санта Мария де Кавон?

Услышав о столь далекой поездке, возница почтительно снял свою соломенную шляпу.

— Не смею уверять вас, синьор, что моя лошадка очень быстра, но с Божьей помощью мы доберемся до вечера до Санта Мария, в особенности, если не будет других пассажиров, кроме вас. А в вас не больше 60 фунтов веса...

ГЛАВА 21

Странный велосипедист

Лошадка тронулась. Она сразу пошла тем ходом, на какой была способна — семь километров в час, но с него уже не сбивалась.

Погруженный в раздумье, француз почти не смотрел на живописный ландшафт, открывавшейся перед ним. А если бы он обернулся, то увидел бы вдали фигуру велосипедиста (это был Пигот, который был в самом дурном расположении духа: ему было ясно, что Транкиль напал на тот же самый след, что и он).

Приблизительно на полупути до Санта Мария, на дороге показался второй велосипедист. Этот двигался в обратном направлении из Санта Мария в Рейнозу. Его путь лежал против ветра, но тем не менее, он держал голову высоко поднятой. Это показывало, что он не был заправским спортсменом.

Велосипедист все приближался, и его странное одеяние все более и более бросалось в глаза. Желтые чулки до колен, шаровары пурпурового цвета, зеленый вязаный жилет, на который был наброшен плащ коричневого цвета.

Не менее интересна была голова велосипедиста. Ниже фуражки, в синюю и желтую клетку, торчали круглые роговые очки и огромные рыжие усы. Из под нее разлетались по ветру космы пламенно-красных волос.

Человек был, видимо, родом не из этих места, где рыжих почти не встречается. Он привлек на себя внимание Транкиля, который немедленно после встречи со странным велосипедистом, ткнул в спину вознице и произнес:

— Скорее, друг мой! Пустите вашу клячку вскачь! Десять пезет на чай, если мы будем в Санта Мария через час.

Возница не произнес ни слова, но усиленно заработал вожжами. Аллюр лошади немедленно переменился. Он доказала, что может идти не только шагом, но и мелкой рысью.

Тем временем, Транкиль повернулся на сидении и стал наблюдать за велосипедистом. В этом месте дорога была прямая и ровная, и было видно на несколько километров назад.

Странный человек более не работал педалями. Он прислонил велосипед к какому-то столбу, а сам медленными шагами двинулся куда-то по боковой тропинке.

Тем временем с покинутым велосипедом поравнялся другой велосипедист, тот, который преследовал Транкиля, — его присутствие давно уже не было тайной для француза. С замиранием сердца он следил за поведением испанца. Тот не повернул головы в сторону удалявшемуся по тропинке человека. Транкиль облегченно вздохнул.

За три километра до Санта Марии стоял у дороги трактир с вывеской: «У бурого быка». В назидание проезжим, огромный бык был вывешен над входной дверью.

Под быком стояло два человека. Не успел Транкиль их заметить, как соскочил с экипажа и, протягивая извозчику деньги, крикнул:

— Поезжайте в Санта Мария или возвращайтесь в Рейнозу, как хотите! Мне вы больше не нужны, я остаюсь здесь. Спасибо!

Извозчик сосчитал деньги, спрятал их в кошелек и, не пытаясь уяснить себе странное поведение пассажира, продолжал путь в Санта Мария, конечно, в надежде на утро подцепить седока, который оплатил бы ему обратный путь в Рейнозу.

Транкиль пожимал руки обоим мужчинам.

— Я встретился с ним, — сказал он. — Неужели вы дали ему ускользнуть?

— Успокойтесь, — ответил один из его собеседников. — Он вернется: он вообще довольно много разъезжает по окрестностям. Сегодня он был у нотариуса в Санта Мария, но нотариуса не оказалось дома, он вернется только завтра утром. Наш поднадзорный заявил, что вновь навестит его, а пока нанял велосипед, чтобы покататься по окрестностям.

— А что вы скажете об его одеянии? — вмешался второй.

Транкиль слегка улыбнулся и немедленно перешел к делу.

— Но, что ему здесь делать? Что могло направить его к захудалому нотариусу, поселившемуся в этой трущобе? Мы приближаемся к цели, друзья. Мы не напрасно проведем время в этом трактире.

Публика, его наполнявшая, была не изысканна, но многочисленна. Помимо проезжих, в него то и дело заходили рабочие, работавшие по ремонту дороги.

Транкиль и его спутники вошли внутрь.

Пигот, который наблюдал за ними из-за полуразрушенной стены, немедленно бросился на лестницу, приставленную к чердаку соседнего сарая. Чердак этот с двух концов заканчивался слуховыми окнами. Одно выходило на проезжую дорогу, другое было обращено прямо на столовую трактира. Теперь Пигот мог разглядеть спутников француза: одного из них, высокого человека с открытым лицом, он не знал, другой был полицейский Бартоломео из Сантандера.

ГЛАВА 22

Соединение сил

Кончив совещание, все трое направились к выходу, отдав трактирщику какие-то распоряжения, которые тот принял с низким поклоном.

Тот из трех, который был неизвестен Пиготу, выйдя на улицу, направился, было, в сторону к Санта Мария, но пройдя несколько сот шагов, внезапно повернул назад.

Очтившись вновь в столовой, он покуда служанка готовила ему прибор, стал медленно пить вино. У Пигота слюнки потекли, так ему захотелось пить и есть, но он сказал себе: «Терпенье, терпенье».

И вдруг трактирщик закрыл ставни!

Пигот почувствовал себя совсем обескураженным. Менее всего он хотел, чтобы его заметили, и потому, стянув потуже пояс, прилег на солому. Десять минут спустя ему снились блаженные сны, в которых немалую роль играла Кармен.

Тем временем, по большой дороге возвращался странный велосипедист. Он держал путь в Санта Мария.

Миновав трактир, он внезапно соскочил с машины и издал проклятие. Сомнений не было: какой-то проклятый гвоздь насквозь пробуровил его переднюю шину.

Это произошло в нескольких сотнях шагов от «Рыжего быка».

Толкая перед собой велосипед, незнакомец повернул назад, дошел до трактира и направился в столовую. Там он уселся с видом человека, который не собирается двигаться дальше. В столовой находился только неизвестный Пиготу спутник Транкиля.

Деревенские обычаи просты, и знакомства завязываются без церемоний. Через десять минут служанка накрывала второй прибор за столиком одинокого до тех пор посетителя. Поваренок принес первое блюдо.

Прошло несколько часов. В первом этаже трактира тихо открылась дверь. Из нее вышел Транкиль с Бартоломео. Они вошли в соседнюю дверь и немедленно заперли ее на крючок.

На кровати храпел странный велосипедист. Транкиль быстро обыскал одежды спящего, а затем принялся за его портфель.

— Он в наших руках, Бартоломео, — шепотом произнес француз. — Я был совершенно прав: в портфеле находятся бумаги на имя Моисея Кнатца. Этот человек убил его. Но не будем терять напрасно времени...

Из найденного в портфеле конверта Транкиль извлек помятый лист пожелтевшей бумаги. Прочитав его, француз весь просиял.

— Странное завещание...

Он тщательно положил на место бумагу и документы. После этого оба вернулись в комнату, из которой вышли.

На следующее утро Транкиль с раннего утра направился в Санта Марию. Ему пришлось довольно долго звонить перед дверью, на которой была прибита медная дощечка с надписью: «НОТАРИУС».

Наконец, ему открыли. Его визит был довольно продолжителен. Появившись вновь на крыльце, он без колебаний направился в расположенное напротив кафе и без обиняков подошел к Пиготу, фуражку которого сразу приметил.

Пигот был не столько раздосадован, сколько изумлен. Ибо француз во все горло распевал, на мотив старинной испанской песенки, слова: «Том тринадцатый».

— Я вижу, — сказал, решившись, Пигот, — что не только меня интересует том 13-й полного собрания сочинений Лопе де Веги.

— Очевидно! Но как вы сюда попали?..

— Сначала на мотоциклетке, потом на велосипеде. Но это неважно. Скажите лучше: имеете ли вы какие-либо сведения о кочегаре? Мне начинает сильно надоедать ожидание.

— Верьте, Пигот: вы напрасно теряете время. Нет никаких шансов встретить в этих краях Кнатца. Вам пришлось бы ждать его до второго пришествия. Но можно сделать лучше, — найти его убийцу.

Разговаривая, мужчины вышли из кафе. И вдруг Транкиль крепко схватил руку Пигота и повлек его в открывавшийся сбоку узкий проход.

В этот самый миг велосипедист в пурпуровых шароварах и зеленом жилете остановился перед домом нотариуса и взялся за звонок.

ГЛАВА 23

Нотариус Дентарро

— Иосиф, — произнес нотариус, — подайте стул почтенному синьору.

Из-за письменного стола поднялся щедушный мальчик лет пятнадцати, который перед тем усиленно грыз свои грязные ногти. Он схватил стул, резким жестом поставил его около посетителя и опять шмыгнул на свое место.

— Иосиф сообщил мне, что вы уже вчера удостоили своим посещением мою контору. К великому моему прискорбию, вы не застали меня дома. Чем могу служить?

Посетитель положил на стол смятую бумагу.

— Дело идет об этом письме. В нем говорится о завещании некоего англичанина, точнее говоря, Базиля Крукса. Черт его драл, этого Крукса! Он, надо думать, был страшнейший чудак!

— Базиль Крукс, — задумчиво повторил Дентарро, — совершенно верно, у меня есть его завещание, составленное за три дня до его столь загадочного самоубийства. Это был веселый человек, и меня очень поразило известие, что он наложил на себя руки.

— Так вот, — перебил его посетитель, показывая на вынутую им бумагу. — Вот письмо. Что касается книги, то я могу сказать вам, что ее вам никто не доставит, так как она сожжена. Я встретился с последним ее обладателем. Это был некто Мауро из Кордовы. Его мальчишка вырвал из нее много страниц, а остальными растапливал печку. Он покажет это под присягой, если нужно. При таких условиях я, конечно, получаю право на имущество этого Крукса, черт бы побрал его душу!

— Какое страшное проклятье, синьор... синьор... простите, забыл, как вас звать.

— Кортейра из Хереса, с самого юга, к вашим услугам.

— Да, страшное проклятье, синьор Кортейра. Но вернемся к делу... Мне кажется, есть только один способ уладить дело: может ли этот Мауро доказать, что он имел в руках эту книгу?

— Не трудно будет найти свидетелей.

— Нет, этого будет недостаточно. Но, может быть, он представит хотя бы обгоревший переплет? Тогда все устроится. Вы передадите ему письмо, или он вам переплет. Вы ведь помните, что завещание требует, чтобы книга и письмо были в одних руках.

— Это очень сложно. Неужели верного свидетеля будет недостаточно?

— Я в отчаянии, синьор Кортейра, прямо в отчаянии, но завещание ставит совершенно определенное условие...

Кортейра задумался.

— Что же? Переплет, вероятно, удастся найти. До свиданья, синьор Дентарро.

Он взял письмо и направился к двери, но нотариус остановил его.

— Не сердитесь на меня, синьор Кортейра, но я должен предупредить вас. Разумеется, любая мастерская сделает вам переплет, у которого затем не трудно будет обжечь углы...

Кортейра топнул ногой. Не обращая на это никакого внимания, нотариус продолжал:

— ...Но должен сообщить вам, что существуете второй экземпляр книги, переданный мне мистером Круксом и хранящийся в моем сейфе в банке. Было бы совершенно бесполезно доставлять мне заново изготовленный переплет, который никак не может быть похож на подлинный. Добавлю, что переплетная, работавшая на Крукса, больше не существует, а владелец ее умер.

Кортейра стал с угрожающим видом наступать на нотариуса.

— Вы старый разбойник, — закричал он. — Отлично понимаю, к чему все эти церемонии. Вас соблазняют денежки этого Крукса, и вы отлично знаете, что сроки, поставленные этим проклятым англичанином скоро истекают... Но вы играете в опасную игру, синьор Дентарро. Смеем вас уверить: Кортейру не легко провести даже такому старому хрычу, как вы. И позвольте вам сказать на прощанье: по лицу вашему видно, что вам суждено умереть отравленным.

— Иосиф, вы тут? — обратился нотариус к мальчику, испуганная голова которого показалась над письменным столом. — Вы слышали и, надеюсь, запомнили. Вполне возможно, что вам придется повторить слова этого синьора перед судом.

— Черт побрал бы вас обоих, старого хрыча и молокососа! — завопил Кортейра. — Я ухожу, но предупреждаю вас, синьор Дентарро: я вернусь — с переплетом или без него, но вернусь!

Кортейра хотел выйти, но нотариус жестом остановил его.

— Одни неприятности с этим делом!... Должен еще сказать вам, что месяца полтора назад у меня был один человек, матрос из Сантандера, еврей по наружности, столь же воспитанный, как и вы... Он преподнес мне книгу и сделал мне почти такую же сцену, как и вы, когда я нашел недостаточно убедительным его рассказ о будто бы сожженном кем-то письме.

Кортейра спокойно выслушал слова нотариуса, пожал плечами и произнес:

— Чепуха! Я принесу вам переплет!

Несколько часов спустя на вокзальной площади Рейнозы появилось четверо мужчин. Это были Транкиль, Пигот, Бартоломео и неизвестный, который оказался братом полицейского, Филиппом Бартоломео. Крестьянская повозка доставила их сюда из Санта Марии, и трое из них готовились сесть на сантандерский скорый поезд.

— Итак, Пигот, вы настаиваете? — дружелюбно спросил Транкиль. — Вы покидаете нас?

— Пустяки! Я живо отмахиваю расстояние на своей мотоциклетке.

— В таком случае, счастливого пути.

И француз вместе с Бартоломео и его братом вошел на вокзал.

— Только бы, — прошептал он, — этот Пигот не наделал глупостей, только бы не стал он разыскивать этого странного велосипедиста.

На этот раз Транкиль ошибался. Пигот и не думал о велосипедисте. Как только отошел поезд, он вошел в кафе и погрузился в созерцание синьорины Кармен.

ГЛАВА 24

Находка Транкиля

На следующий день после возвращения Транкиля, Лаура пришла к Нунецу, к которому только что зашел Пигот. Она стала засыпать обоих вопросами, но они старались отделаться ничего незначащими словами. Случайно заговорили о Транкиле, и Нунец выразил уверенность, что тот скоро придет.

Час спустя француз действительно явился к своей соотечественнице и предложил ей быть на следующей день к 7 часам вечера в кабинете начальника полиции. Этим не ограничилась его деятельность. Он весь день без устали сновал по городу и лоб его был покрыт потом, когда он позвонил перед домом доктора Каучо.

Тот встретил его крайне приветливо и угостил его отличным французским вином. Когда жара спала, Транкиль предложил выйти подышать свежим воздухом. Рука об руку с радушным хозяином он вышел в сад и полюбовался только что высаженными хризантемами. Затем, попросив и Каучо быть к 7 часам в кабинете начальника полиции, он распрощался и вышел.

Вечер был свежий, — однако, морщины не расходились на лбу Транкиля, когда он шел от вальядолидской заставы к порту. На секунду он остановился перед похоронным бюро и вдруг ударил себя по лбу.

— Болван, куда негодный болван!

Очевидно, он нашел разгадку какой-то мучившей его задачи.

Несколько минут быстрого шага, и он оказался перед жилищем Пигота.

— Я зашел, — сказал он, — чтобы попросить вас со мной пройти к Нунецу.

У Пигота был такой ликующий вид, что Транкиль успокоился.

— Уж не нашли ли вы чего-либо в Рейнозе?

— Как же, — лукаво улыбаясь, ответил тот. — Нашел... кое-кого.

Транкиль не мог скрыть своей досады.

— Велосипедиста?

— К черту велосипедиста! — ответил инспектор. — Не старайтесь угадать: это было бы бесполезно.

Но Транкиль, все время внимательно всматривавшейся в молодого сыщика, вдруг широко улыбнулся.

— Все таки попробую, Пигот. Мне, кажется, что вас подменили. Я никогда не видел на вас столь тщательно вычищенных сапог. На вас новенький галстук веселых тонов, а в нем — великолепная жемчужина. К тому же, вы только что от парикмахера, который вас основательно надушил. И вот, вспоминая прелестное личико синьорины Кармен, я заключаю, что вы намереваетесь вновь отправиться в Рейнозу.

— Ошибаетесь, — с торжеством крикнул Пигот.

— В таком случае, поджидаете ее здесь?

— Она уже приехала! — воскликнул Пигот.

Весело разговаривая, мужчины направились к Нунецу, которому Транкиль с места в карьер предложил свои отвратительный папиросы.

Нунец был довольно мрачен и не стал скрывать причины своего дурного настроения.

— Надо признаться, что наши соединенные усилия до сих пор не дали почти никакого результата. Кто убил Тейя? Как был он убит? Кто убил Грегорио? Чем вызваны эти убийства? Что стало с Кнатцем? На эти вопросы ни у кого из нас, нет ответа. А тут новое несчастье: Пигот попал под чары какой-то прелестницы и почти не интересуется больше делом «Альдебарана». Одна надежда на вас, дорогой Транкиль.

Очень мягким тоном Транкиль ответил:

— По-видимому, дорогой Нунец, вы слишком высокого мнения о моих талантах. Но раз вы спрашиваете у меня совета, то мне кажется, что у вас есть прекрасный способ найти убийцу Тейя.

— Какой именно?

— Отдать приказ об его аресте.

Нунец привскочил и с лихорадочной быстротой стал открывать ящик чтобы вынуть нужный бланк.

— Чье же имя нужно проставить? — спросил он, держа перо наготове.

— Капитана Родериго, — спокойно ответил француз.

ГЛАВА 25

Ловушка

Нунец и Пигот изумленно посмотрели на Транкиля. По лицу Нунца было видно, что он не верит французам, тогда как Пигот, напротив, сиял от восторга по поводу того, что Транкиль, наконец, согласился с его точкой зрения.

— Неужели он все-таки виновен? — задумчиво спросил Нунец.

— Арестовав Родериго, — продолжал француз, не отвечая на вопрос, — я на вашем месте объявил бы команде, что она распущена, так как на яхту налагается арест. Я поместил бы на нее двух полицейских и, чтобы не сменять их, приказал бы повару приготовить им обед, а затем покинуть корабль.

— Не понимаю, к чему вы клоните, — заявил Нунец, — но, тем не менее, подчиняюсь. И однако...

Транкиль уже застегивал пальто.

— Еще один день терпения, дорогой Нунец, и тогда все станет ясно.

Нунец повторил:

— Все, что вы указали, будет исполнено.

— Отлично, значит, до завтра! Мы встретимся здесь в 7 часов вечера.

Спустя полчаса француз поднялся на борт «Альдебарана». Он прошел прямо в каюту капитана, почти немедленно вышел оттуда с сияющим лицом и направился в другую часть яхты.

На следующий день незадолго до 7-ми часов все вызванные лица собрались в кабинете Нунца. Не было только Транкиля. Не привели еще и арестованного Родериго, который, по желанию Транкиля, также должен был присутствовать на этом собрании.

По коридору слышались шаги. Два полицейских ввели арестованного. Нунец отпустил их, и капитан сел. Он был спокоен, хотя и очень бледен.

— Ваши подчиненные, — обратился он к Нунецу, — обращались со мной самым вежливым образом. Они даже держались на несколько шагов поодаль от меня, когда мы шли по улицам. Тем не менее, я арестован. Я предвидел такую возможность с того дня, как синьор Тейя был убит,

и вполне освоился с этой мыслью. Верьте, дорогой Нунец, я вполне понимаю, что вы не могли поступить иначе.

Нунец сделал беспомощный жест и не ответил ни слова; Транкиль просил его молчать, и он молчал.

— Без пяти семь, — произнес Пигот, посмотрев на часы.

Две минуты спустя в комнате появился Транкиль. Он прежде всего пожал руку капитану.

— Дорогой капитан, мне нужно извиниться перед вами за то, что я дал вам первую роль в этой инсценировке. Я знаю, что вы невиновны. Считайте себя свободным. Но верьте, что ваш фиктивный арест сильно поможет нам в уличении убийцы.

Транкиль обвел взором всех присутствовавших.

— Друзья мои, — сказал он, — я собрал вас, чтобы просить вас всех вместе со мной провести бессонную ночь на «Альдебаране». Этой ночью я поджидаю убийцу синьора Тейя.

Он остановился. Все молчали. Тогда он заговорил вновь:

— Я предпочитаю еще не называть имени убийцы. Но не вижу никаких препятствий к тому, чтобы рассказать вам, как он совершил убийство, иными словами, как он, никем незамеченный, ввел яд в рюмку с коктейлем.

Начнем с начала. В баре нет никаких отверстий, кроме двух хорошо вам известных: крепко заделанного иллюминатора и двери на площадку в рубку.

Итак, в 10 ч. утра в бар входят двое мужчин и одна женщина.

В 10 ч. 5 мин. женщина отпивает глоток портвейна, а мужчины по глотку коктейля из двух совершенно одинаковых стаканов.

В 10 ч. 10 м. все трое выходят.

В 10 ч. 12 м. женщина возвращается, вслед за ней появляется один из мужчин, который говорит: «Вы не отпивали из стакана, не так ли?». Женщина выходит и тотчас вслед за ней и мужчина. Часы показывают 10 ч. 16 м.

В 10 ч. 20 м. все трое возвращаются и все трое продолжают пить, и тот из мужчин, который в промежутке не входил в бар, падает навзничь. Он мертв.

Итак, между 10 ч. 10 м. и 10 ч. 20 в коктейль был введен яд. Кто-то ввел яд. Кто ввел его?

Транкиль лукаво оглядел всех и продолжал:

— Отвечая на вопрос, Пигот допустил три ошибки.

ГЛАВА 26

Две первые ошибки Пигота

Первую ошибку он сделал, когда решил, что только два человека могли совершить преступление и что значит один из двух и совершил его. Так возникло предположение об убийстве на романической почве.

Это предположение я отбросил с самого начала. Мне было ясно, что преступник в этом случае рисковал не только своей судьбой, но и судьбой любимого существа... ибо не может быть сомнений, что те двое, которых взял под подозрение Пигот, любят друг друга.

Транкиль повернулся к мгновенно зардевшейся Лауре и сказал:

— Простите меня, сударыня, но мне приходится говорить и о таких вещах, чтобы рассуждение мое было безупречно.

Вместо ответа Лаура смущенно улыбнулась.

— К тому же, преступления на романической почве совершаются обыкновенно открыто. Их оружие — не яд, а револьвер или кинжал. Еще показательнее слова капитана, обращенные им к синьоре Лауре. Если бы капитан был замешан в историю с цианистым калием, он не стал бы спрашивать.

Вот почему я отбросил предположение о романтическом преступлении, и очень жаль, что и вы, Пигот, не поступили так же, ибо отказавшись от этой гипотезы, вы увидели бы, что никаких мотивов здесь к убийству Тейа не было. Я уже говорил об этом Нунецу.

— Совершенно верно, — заметил тот. — Но сознаюсь, что я не сумел сделать из этого заявления никаких выводов.

— Между тем, они весьма просты. Раз не было мотивов к устранению Тейа, то, очевидно, жертвой преступного плана пало не то лицо, которое было намечено убийцей. Иными словами, яд предназначался не для покойного.

Теперь попробуем вообразить, что должен был быть отравлен капитан Родериго.

Подхожу ко второй ошибке Пигота. Будучи уверен, что преступление совершено или капитаном, или синьорой Лаурой, он не стал задумываться над вопросом, как мог быть введен яд. Для меня же этот вопрос оказался основным.

Будем рассуждать. Раз доказано, что убийца не входил в комнату, а яд тем не менее был введен, то убийца, очевидно, действовал снаружи. Так как нет никаких оснований предполагать, чтобы были применены какие-либо сложные механические приспособления, то, значит, яд был принесен кем-то, кто был орудием, по всем вероятностям, бессознательным в руках убийцы.

И вот скажу вам прямо: таким бессознательным орудием оказался сам синьор Тейа, а яд, который он ввел в свой стакан, предназначался не для него.

Транкиль привстал и начал прислушиваться. Наружная дверь открылась; по коридору раздались шаги, последовал стук в дверь. В ней показался Бартоломео, который неловко поклонился и исчез, не произнеся ни слова.

— Нам нужно спешить, — произнес Транкиль, насаживая на голову свой невообразимый котелок.

ГЛАВА 27

Рамон

Пятеро мужчин и Лаура Тейа молча сидели на корме «Альдебарана». Транкиль сделал жест, выражавший глубокую досаду, и пробормотал:

— Слишком светло!

В самом деле, яхту освещала яркая луна.

— Нужно ждать, — сказал француз. — Сколько времени, не знаю. Но не сомневаюсь, что убийца будет сегодня ночью на борту. Однако, ночь становится довольно прохладной. Синьора Лаура, не предпочтете ли вы пройти в каюту капитана?

— Нет, — ответила она, — я останусь с вами.

Она плотнее запахнула свое манто. Было ясно, что ее ничем не поколебать.

— Пусть так, — сказал Транкиль. — Давайте условимся, как нам вести себя.

— Да, в самом деле, что нам делать, когда убийца появится? — видимо, волнуясь, вмешался капитан. — Дайте нам указания. И, может быть, вы назовете теперь нам его имя.

— Когда он появится, не предпринимать ровно ничего и молчать. Что касается его имени, то почему бы его не назвать? Я поджидаю капитана «Альдебарана»...

Транкиль заторопился и скороговоркой закончил:

— Но время не терпит. Нужно занимать посты. Вас, капитан и синьора Лаура, прошу устроиться около руля. Нунец и Пигот, займите посты по обеим сторонам капитанского мостика. Не согласитесь ли вы караулить на носу, доктор?

— Отлично, — ответил тот. — Я устроюсь за выступом помещения для матросов и буду защищен от ветра. А в тоже время от меня ничего не ускользнет из того, что будет происходить в передней части яхты.

Обращаясь к полицейским, Транкиль спросил:

— А вы, надеюсь, помните мои инструкции?

Не отвечая, они скрылись на лестнице, ведшей в рубку.

Тем временем, на луну набежало облако. За ним потянулись другие.

— Погода портится, — заявил Транкиль, потирая руки. — Все идет хорошо.

И отошел к корме.

На колокольне пробил час. Вдруг капитан крепко сжал руку Лауры. Но и она слышала. Кто-то поднимался по лестнице на капитанский мостик.

В это время из-за тучи показался узкий рог луны. И то, что при слабом свете представилось глазам капитана, поразило его до чрезвычайности. По лестнице поднимался человек, одетый в форму капитана «Альдебарана».

Наверху человек пробыл недолго. Спустившись, он прошел в бар и стал готовить себе какую-то странную смесь. В то мгновение, когда он подносил ее к губам, перед ним вырос из мрака Транкиль с пучком соломинок.

— Не угодно ли соломинку, капитан?

Старый Рамон — это был он, — дрожа, стоял за прилавком. Бар наполнялся людьми: в него стекались все те, кто вместе с Транкилем взошли на яхту.

— Простите меня, — залепетал старик. — Я вернулся на яхту, несмотря на запрет. Я знал, что завтра ее направят в Бильбао, и не мог отказать себе в удовольствии еще раз побывать на ней. Ведь я провел на ней свыше 12 лет. А эта форма... простите... маленькая мания.

По знаку Транкиля в бар вошли полицейские. Один из них держал за хвост труп черного кота.

— Вот, — сказал он, — в каком виде мы были бы, если бы не послушались совета мосье Транкиля и отведали чего-либо из яств, приготовленных нам старым Рамоном.

— Не спускайте с него глаз, — сказал Транкиль. — Перед нами убийца синьора Тейя. А оружие преступления — вот оно: простая соломинка, которую Рамон обмакнул в раствор цианистого калия и которую Тейя сам положил в свой стакан.

— Однако, — усомнился Пигот, — соломинки не были отравлены. Ведь Тейя упал не после первого, а после второго глотка.

— Две первые соломинки не были отравлены, — торжествующе произнес Транкиль. — Отравлена была третья. Ибо соломинок было три.

ГЛАВА 28

Третья соломинка

Транкиль вынул свой бумажник и достал из него смятую бумажку. Это был футляр из восковой бумаги, в какие обыкновенно вкладываются соломинки для коктейля.

— Помните ли Пигот, — начал он, — что произошло, когда я нашел на ковре смятые футлярчики? Пустяки, сказали вы. И я бросил их, точнее бросил два из трех, ибо их было три. Между тем, в баре было только две рюмки, и в каждой по одной соломинке. Конечно, третий футлярчик мог остаться от соломинки, употребленной накануне.

Но когда выяснилось, что Уллохо подметал бар незадолго до преступления, и что капитан не входил до прибытия посетителей, стало ясно, что и третья бумажка была брошена в одиннадцатом часу утра. Значит, было три соломинки.

Я сразу заметил, что третий футлярчик представляет некоторую особенность. У него прорваны оба конца. Это могло произойти совершенно случайно. Но могло быть и не так. Можно допустить, что футлярчик был продырявлен разными лицами в разное время. И когда эта мысль пришла мне в голову, способ введения яда в стакан синьора Тейя перестал быть для меня загадкой.

Но кто же мог приготовить соломинку? Я сразу остановился на Рамоне. Соломинки хранились у него на кухне, и именно он подал их Тейя через дверь, хотя никто его об этом не просил. Те же сведения, который я почерпнул в гостиной, укрепили меня в этой мысли.

— Мне показалось, — перебил его Нуец, — что вы не нашли там того, что искали.

— Дело шло о цианистом калии, друг мой, — продолжал Транкиль. — Как только капитан рассказал мне о коллекции бабочек, происхождение цианистого калия стало для меня совершенно ясным. Всякий хороший коллекционер имеет небольшой запас этого яда. Дело в том, что крупных бабочек нельзя убивать так, как убивают мелких простым сжатием брюшка пальцами: они стали бы биться и попортили бы себе крылышки. Им впрыскивают шприцем немного цианистого калия. Вот я и стал искать. Шприц попался мне под руку, но цианистого калия я не нашел. Значит, его кто-то взял.

Рамон служил еще при дяде капитана Родериго и мог знать о яде.

Но какой смысл мог быть Рамону убивать Тейя? Никакого! Иное дело если намеченной жертвой был капитан Родериго. Правда, у Рамона вряд ли могли быть причины к устранению капитана. Но он мог быть орудием в руках других людей.

И тут мне пришло в голову два случайных открытия. Накануне убийства Бартоломео наблюдал за странными действиями синьора Тейя, проследил, как Рамон, одетый в форму капитана «Альдебарана», проник в вертеп в отдаленной части города и там толковал за картами с подозрительными людьми. На следующий день я видел в том же вертепе Грегорио. Антиквар и был подстрекателем.

Тыкая пальцем в старого повара, Транкиль воскликнул:

— Говорите, Рамон! Ошибся ли я.

— Вы сказали чистейшую правду, синьор. Я убил синьора Тейя вместо капитана. И все инструкции дал мне Грегорио. Он же дал мне и капитанскую форму и приказал мне сначала усыпить команду, а затем, если ему не удастся найти то, что ему было нужно, убить капитана.

— Но что именно он искал?

На этот вопрос не последовало ответа, по крайней мере от Рамона. Старик задрожал мелкой дрожью и стал всхлипывать. Он, казалось, внезапно лишился и тех остатков ума, которые у него еще были.

— Стойте! — произнес Пигот. — Сознанию этого сумасшедшего старика я придаю мало значения, пока мне не будет объяснено, как именно попал яд в стакан Тейя.

— Очень просто, — спокойно заявил Транкиль. — Рамон смазал ядом одну из соломинок. Как хотел он заставить капитана взять именно ее? Рамон знал, что на яхте ожидается гость, дело идет о вас, Нунец, и потому оставил в баре только две соломинки, из которых одна была сломана. Элементарная вежливость должна была заставить капитана предложить гостю целую. В этот миг Рамон и должен был появиться с пучком соломинок, в том числе с отравленной, предназначенной для капитана.

— Хм! — проворчал Пигот. — Но этот план оказался бы никуда не годным, если бы вдруг случилось так, что на борту яхты находится четыре гостя.

— Рамон слышал, что синьора Лаура попросила портвейна, а Каучо оранжад. Им не нужно было соломинок, а Нунца еще не было. Значит хватало двух соломинок, бывших в наличии. А число присутствовавших в баре людей только благоприятствовало плану, затемняя положение.

— Вы скажете, что я ничего не понимаю, — вмешался Нунец. — Но почему Рамон не отравил просто сломанную соломинку?

— Этот вопрос и меня заставил задуматься, — сознался Транкиль.

— Но объяснение крайне просто. Если бы Рамон поступил так, то подозрение легко обратилось бы против него. К тому же, из сломанной соломинки пить нельзя. Значит, ее наличие заставляла потребовать новых соломинок. А при таких условиях положение Рамона сильно облегчалось. Как допустить, что из 30 соломинок была отравлена только одна, и что ее взял потерпевший?

— Капитан, вы сильно затруднили мою работу тем, что сказали: «Рамон подал нам в дверь соломинки, и мы стали пить», тогда как нужно было сказать: «Мы отпили, и после этого Рамон принес нам соломинки». А ведь дело было именно так. Рамон появился в дверях бара только после того, как вы отпили в первый раз, и предложил вам среди тридцати соломинок ту отравленную, которую вы должны были взять, не могли не взять.

— А почему я не мог ее не взять?

Вместо ответа, Транкиль подошел к Рамону, с тупым видом сидевшему между двух полицейских, и стал бесцеремонно шарить у него по карманам. С торжествующим видом он извлек колоду карт, стасовал ее, раскрыл веером и поднес капитану.

— Выберите карту, — сказал он.

Когда тот исполнил просьбу, он продолжал:

— Вы взяли восьмерку пик.

Это действительно была восьмерка пик.

— Детская игра! — улыбаясь, сказал Транкиль. — Страстный картежник, каким является Рамон, не мог ее не знать, и он применил ее к соломинкам.

Вопрос стал еще яснее после того, как Транкиль повторил фокус с соломинками. Наклонив все соломинки влево, кроме одной, которую он обратил вправо, он заставил Лауру взять отмеченную им заранее.

— Но, — спросил Нунец, — раз все было подстроено с математической необходимостью, как объяснить, что яд попал в стакан синьора Тейа?

— Неужели вы еще не догадались? Дело в том, что Родериго хлопотал над коктейлями, а соломинками занялся синьор Тейа. Он, естественно, взял себе сломанную соломинку и затем заменил ее отравленной, которую принес Рамон. Итак, яд был доставлен в бар Рамоном и введен в стакан самим синьором Тейа, который погиб вопреки воле убийцы. Это — единственное возможное объяснение.

Что касается сломанной соломинки, которой мы не нашли, то, вероятно, Тейа выкинул ее в раковину. И чистой случайностью было то, что Тейа не вынул соломинку через отверстие, уже проделанное Рамоном, а продырявил футляр с другого конца. Но именно эта случайность позволила мне разгадать происшедшее.

Транкиль замолчал.

— Все это совершенно верно, — заявил капитан. — Соломинками действительно распорядился синьор Тейа, но я не придавал этому обстоятельству никакого значения и потому не упомянул о нем.

Однако, Пигот не сдавался. Как ни поглощены были его мысли синьориной Кармен, он не мог допустить, что другой раскрыл то, что ускользнуло от его внимания.

— Сколько еще остается неразъясненных вопросов, мосье Транкиль! Почему капитан спросил синьору Лауру, не отпила ли она? Кто написал об этом записку? Кто убил Грегорио? Что случилось с Кнатцем?

— Терпение, друг мой! — ответить Транкиль. — Впрочем, что касается записки, то я уже сейчас готов сказать, в чем дело. Случайно, находясь на кухне, я установил, что через станку очень хорошо слышно все, что говорится в баре. Сомнений быть не может. Старый Рамон слышал таинственные слова капитана и передал их Грегорио, а тот написал или велел написать записку. Он за последнее время постоянно торчал на набережной и потому легко мог видеть, как Нунец с Каучо вошли в кафе, где им и была вручена записка.

— Но не выйти ли нам на палубу? — неожиданно прибавить француз.

Никто не возразил, и все направились к лестнице. Транкиль шел последним и, выходя, сделал едва уловимый жест полицейскому. Тот вошел в бар и почти немедленно вернулся.

Занималась заря. Уже виднелись сквозь туман очертания прибрежных гор. В порту начиналась жизнь.

ГЛАВА 29

Третья ошибка Пигота

— Инспектор, — заговорил Транкиль, когда маленькое общество собралось на палубе. — Скажу вам прямо: в то время, когда объяснятся таинственные слова капитана, все раскроется.

Ваша третья ошибка заключалась в том, что вы сопоставили эти слова со смертью синьора Тейа. Для меня было с самого начала ясно, что они не имеют к ней никакого отношения. К чему же они относились? Я выяснил и это. Но прежде, чем рассказывать дальше, я должен спросить разрешения у капитана.

В течение минуты Транкиль что-то оживленно говорил на ухо Родеригу. Видно было, что тот колеблется. В конце концов, он заявил:

— Время тайн прошло, Транкиль. Говорите, хотя, признаюсь, не могу понять, какое отношение...

— Сейчас скажу, — резко заявил француз. — Но предварительно попрошу доктора Каучо достать из своего кармана роман «Дочь Золушки», который там находится, и открыть его на странице 173.

Каучо вопросительно посмотрел на Транкиля, но немедленно повиновался. Через секунду он поднялся и, отодвинув стул, произнес:

— Позвольте поблагодарить вас, мосье Транкиль, за ту исключительную услугу, которую вы мне оказываете.

После этого он бросился в бар, схватил стоявший на прилавке стакан и отпил из него два глотка.

За ним последовали Транкиль и Нунец, и первый из них немедленно воскликнул:

— Вы выдали себя, доктор! Нунец, арестуйте его! Ему придется отвечать за убийство Грегорио, убийство Кнатца, покушение на убийство капитана Родеригу и кражу на его яхте.

Но нам здесь больше нечего делать. Отправимся в ваш кабинет, куда скоро прибудет еще одно лицо.

ГЛАВА 30

Рассуждения Транкиля

В кабинете Нунца Транкиль заявил:

— Еще несколько слов и все станет ясно. Я заметил, капитан, что вы часто покашливаете и с тревогой подносите к губам носовой платок. Мне удалось завладеть одним из них; он был запачкан кровью.

С другой стороны, помните сцену на палубе, когда вы помешали мне взять вашу папиросу? Я понял, что вы не хотите, чтобы кто-либо касался губами того, что трогали вы, и сопоставил эту мысль с вашей таинственной фразой. Чтобы окончательно убедиться в правильности своих предположений, я устроил восстановление сцены в баре. Когда синьоре Лауре пришлось пить, она поколебалась. Я понял: в свое время она отпила не из своей рюмки, а из рюмки капитана Родеригу. Почему?

Я уже давно заметил, что синьора Лаура очень суеверна. А беседа, которую я с ней имел, лишний раз убедила меня в том.

— А, — улыбаясь заметила Лаура, — так вот чем объясняется наш тогдашний разговор.

— Вывод ясен: синьора Лаура пила из рюмки капитана, чтобы узнать его тайну. Ибо у капитана, несомненно, есть какая-то тайна. А отпить из стакана другого человека, согласно распространенному поверью, лучший способ проникнуть в его тайные мысли.

— Что ж, разве это не красивое поверье? — смущенно улыбаясь, сказала Лаура.

— А мне кажется, что вся манипуляция — не более, нежели скрытая форма поцелуя, — буркнул Пигот.

Синьора Лаура покраснела до ушей. Нунец неодобрительно посмотрел на своего подчиненного, который лишний раз доказал, что не умеет вести себя в дамском обществе.

— Итак, я понял, — продолжил Транкиль, — что капитан Родеригу страдает какой-то заразной болезнью. Но как было связать это открытие со всем тем, что я знал или подозревал? И вот,

мучимый болями, я сел и стал размышлять. Результаты размышлений я запечатлел в следующей записке:

Единственная связь между Грегорио и «Альдебараном» — 35 томов Лопе де Вега, купленные шесть месяцев тому назад капитаном Родериго у Грегорио.

Через две недели после покупки этих томов капитан Родериго отказался от своего намерения выйти в море.

На следующий день после убийства синьора Тейа на «Альдебаране», Грегорио убит в своей лавке человеком в перчатках.

Никаких выводов из сводки нельзя было сделать. Но это стало возможно после того, как, обследовав собрание сочинений Лопе де Вега, я установил, что его трогал «человек в перчатках». Тогда я продолжил свою запись:

Том XIII представляет огромную ценность. Его разыскивает «человек в перчатках». Если так, то между покупкой Лопе де Вега и изменением плана капитана может быть какая-то внутренняя связь.

Чтобы ее установить, нужно определить причину, изменившую намерения капитана. Эта причина болезнь. Не исключено, что болезнь вызвана «человеком в перчатках», чтобы помешать капитану покинуть Сантандер. От болезни вполне естественным является переход к врачу. От матроса Козимо я узнал, что капитана лечил доктор Каучо. Не привил ли он капитану бациллу туберкулеза? Надо наблюдать за Каучо.

Среди присутствовавших прошел ропот, который был немедленно покрыть звучным голосом капитана:

— Каким безумцем я был! Да, Каучо делал мне впрыскивания, и я думал, что он лечит меня!

С этими словами он подошел к доктору. Вид его был так грозен, что доктор невольно сжегился, но тем не менее с деланным спокойствием сказал:

— Я проиграл игру, но разрешите мне, капитан, сказать несколько слов после того, как кончит Транкиль.

— Я уже почти кончил, — заявил француз. — Для наблюдения за Каучо я поставил Филиппа, брата Бартоломео. Отчаявшись найти то, что он искал, Каучо под видом эксцентричного велосипедиста отправился через Рейнозу в Санта Мария де Кавон. Мне удалось выследить его, и однажды ночью, усыпив его, я ознакомился с содержанием его бумажника. Я нашел там бумаги исчезнувшего Кнатца и письмо некоего Крукса. В этом письме стояло, что предъявивший его вместе с единственным сохранившимся в обращении романом «Дочь Золушки» нотариусу Дентарро в Санта Мария, будет наследником всего состояния автора письма. Итак, загадка раскрывалась. Каучо искал роман «Дочь Золушки», проданный капитану Родериго антикваром Грегорио вместе с сочинениями Лопе де Вега.

Я немедленно предупредил нотариуса и решил в дальнейшем воспользоваться тем, что Пигот, ранее меня установивший предмет вожделения таинственного убийцы, должен был подстроить этому последнему ловушку и поставить роман на прежнее место.

Забыл сказать, что я просил нотариуса сообщить Каучо, будто месяц тому назад к нему являлся с книгой человек, в котором Каучо должен был признать Кнатца, к тому времени исчезнувшего.

Вчера я зашел в каюту капитана, взял там роман, переплетенный в обложку тома XIII сочинений Лопе де Вега, и положил его в сундук исчезнувшего кочегара. Ставя Каучо на нос, я был уверен, что он воспользуется случаем. Каучо попался в ловушку и действительно взял из сундука книгу, за которой так долго охотился. Между тем, на странице 173 ее я успел написать:

Каучо, в стакан, стоящий на прилавке бара, введена капля цианистого калия. Если вы предпочитаете смерть позору, то вы знаете, что вам остается делать.

Вы заметили, как поспешно направился Каучо за стаканом. Более полного признания и желать нельзя.

Транкиль замолчал, Пигот счел нужным сделать возражение:

— Но Каучо должен был предположить, что Кнатц взял книгу с собой.

Француз с улыбкой ответил:

— Каучо отлично знал, что книги при Кнатце не было, так как он убил его. Когда и почему, может быть, мы узнаем от доктора. Пока скажу только, что он как раз хоронил свою жертву в саду, когда мы втроем зашли к нему. Я получил в этом полную уверенность, когда, проходя мимо бюро похоронных процессий, увидел венки из хризантем: именно хризантемы сажал доктор.

— Еще одно замечание, — заупрямился Пигот. — Вы построили весь свой план на предположении, что я верну книгу на место. Но что было бы, если бы я поступил иначе?

— Этого не могло быть, — любезно заявил француз. — Я знал, что вы поставите книгу на место, потому что сам поступил бы так же точно.

Этот скрытый комплимент заставил просиять суровое лицо Пигота.

— Позвольте и мне сказать слово, — вмешался Каучо. — Мосье Транкиль в общем правильно восстановил происшедшее, но все же моя вина не так велика, как ему кажется.

Все началось в тот несчастный день, когда я подобрал на дороге листок, который оказался письмом этого проклятого Базиля Крукса. Я начал всюду искать его не менее проклятый роман. Приблизительно шесть месяцев тому назад я обратился к Грегорио, который с лукавой улыбкой сообщил мне, что продал роман капитану Родериго.

Случай помог мне. Вскоре меня позвали на «Альдебаран» к заболевшему капитану. Я сумел втереться к нему в доверие и убедить его в том, что у него туберкулез в начальной стадии. Ему пришлось отказаться от мысли о дальнем плавании, и я таким образом выиграл время. Я стал делать ему впрыскивания. Но здесь, мосье Транкиль вы ошиблись: видит Бог, я и не думал прививать ему туберкулез, но только вводил ему в вену средство, повышающее кровоточивость тканей. Кровь в платке у капитана — не из легких, а из десен.

Лицо капитана просияло.

— Каучо, — сказал он, — вы отъявленный негодяй! Но я прощаю вам все за то, что вы избавили меня от этого ужаса.

Он переглянулся с Лаурой. Все поняли, что капитан боялся не смерти.

— Моя выдумка ни к чему не привела, — продолжал Каучо. — Я вернулся к Грегорио и стал выпытывать у него подробности. Я ничего не добился, но вызвал в нем уверенность, что проданная им книга представляет большую ценность. Он человек, не стесняющийся при выборе средств, мы знаем уже, что он подкупил Рамона и что из этого произошло. Кстати, это он придумал дьявольскую махинацию с переодеванием Рамона в капитанскую форму.

На утро после смерти синьора Тейа я явился к Грегорио с намерением вступить с ним в сделку. Но он посмотрел на вопрос иначе и решил устранить опасного соперника. Вы уже знаете, что убил я его в состоянии необходимой обороны.

Я уже решился было попытаться обойтись без книги, как совершенно неожиданно ко мне явился Кнатц. Из неосторожных слов Рамона он, видимо, что-то сообразил, и с места в карьер потребовал с меня за молчание крупную сумму денег. Я понял, что, если немедленно его не устраню, то всю жизнь буду его рабом. Я резко отказал, и, когда он повернулся к выходу, выстрелом в затылок уложил его. Вы были правы, мосье Транкиль: я зарыл его труп под хризантемами.

Еще одно: письмо, находящееся в моих руках, стало совершенно бесполезным. Позвольте отдать его вам, капитан, в качестве слабого искупления за все причиненное вам зло.

Капитан машинально взял письмо и положил его на стол. «Дочь Золушки» в переплете XIII тома Лопе де Вега оставалась лежать рядом.

ГЛАВА 31

Завещание Базиля Крукса

— Как все странно переплелось, — заявил капитан. — Не скрою от вас, господа, что мысль об этой болезни в конец угнетала меня: незадолго до того, как захворать, я встретился с синьорой Лаурой, узнал, что она несчастна в браке и вдруг понял, что все годы тайно сгорал от любви к ней.

С этого дня начались мои страдания; я не мог примириться с мыслью, что не имею права связать своей судьбы с судьбою той, которая была мне дороже жизни...

Я вел себя, как мальчик: в ночь перед смертью синьора Тейа я несколько часов бродил вокруг виллы, где она жила. Не мог же я признаться в этом на допросе?

Нунец сделал знак. Полицейские подошли к Каучо, чтобы увести его. Но тот быстро произнес:

— Одну минуту, Нунец. Разрешите мне узнать у господина архивариуса, как он в одну минуту нашел книгу, которую я тщетно искал шесть месяцев.

— Очень просто, доктор. Я знал, что капитан купил у Грегорио 35 томов полного собрания сочинений Лопе де Вега и больше ничего. Взглянув на стоявшие на этажерке тома, я сразу заметил, что переплет тома XIII как-то странно западает. Так как тома собрания, конечно, изданы в одном и том же формате, то вывод был ясен: под обложкой тома XIII скрывается какое-то постороннее произведение.

Грегорио, конечно, отлично знал, в чем было дело. От тома XIII у него был только переплет и половина листов. Это портило все собрание, и он просто включил в переплет первую попавшуюся книгу, какой оказалась — «Дочь Золушки», купленная им за грош у случайного клиента.

Капитан Родериго ни разу не открывал своего Лопе де Вега, а доктор Каучо сделал ту ошибку, что не стал просматривать собрание том за томом. Правда, под конец он решил это сделать, но было слишком поздно: Пигот, наведенный на ту же мысль половиной XIII тома, найденной им у Грегорио, успел удалить роман Базиля Крукса.

С этими словами Транкиль подошел к двери и громко произнес:

— Можете войти, синьор Дентарро.

Нотариус, очевидно, поджидал за дверью, так как немедленно явился. Поклонившись всем, он сел за стол и вынул из портфеля документ, книгу и запечатанный конверт.

Транкиль молча поднес ему роман Б. Крукса в переплете Лопе де Вега и письмо. Нотариус надел очки, внимательно рассмотрел оба предмета и заявил:

— Условия выполнены. Могу приступить к чтению завещания Базиля Крукса, английского подданного, родившегося в 1864 году в Нью-Маркете, графство Суффольк, и скончавшегося от удушения веревкой 2 года и 362 дня тому назад в вальядолидской провинции.

Монотонным голосом он стал читать:

Я, Базиль Крукс, английский гражданин, находясь в здравом уме и твердой памяти, в настоящем документе излагаю свою последнюю волю. Год тому назад я решил попытаться счастья на литературном поприще и написал роман „Дочь Золушки“. Роман этот не имел никакого успеха. Критика единодушно бранила его, и через посредство объявлений в газетах я скупил все без исключения проданные экземпляры.

Это было нетрудно сделать, так как их было всего одиннадцать. Но я решил, что этот роман, принесший мне под старость величайшее разочарование должен кому-то другому дать великую радость. Поэтому я надумал поступить следующим образом:

Уничтожив посредством огня все экземпляры, кроме двух, я один вверю нотариусу Дентарро в Санта Мария де Кавон, провинция Сантандер, Испания, а другой кидаю в вагон скорого поезда Мадрид — Сантандер. Немедленно после этого я бросаю подписанное мною письмо в окно скорого поезда Сантандер — Мадрид и тотчас же пресекаю ставшую мне постылой жизнь.

Тот, кто до истечения трех лет со дня моей кончины представит письмо и книгу нотариусу синьору Дентарро, пусть будет моим единственным наследником. Имущество мое депонировано у того же синьора Дентарро.

Если к вышеозначенному сроку никто не предъявит своих прав, то мое состояние должно быть стараниями синьора Дентарро обращено на сооружение и поддержание убежища для неудачливых литераторов.

Два слова, почему я избрал Испанию, и в ней — провинцию Сантандер. Я решил, что не от моей воли должно зависеть, откуда явится мой наследник. Поэтому, составив алфавитный список европейских государств, (кроме Великобритании, которая оскорбила меня непризнанием моего детища) я их пронумеровал. Заготовив затем соответствующее количество билетиков с номерами и свернув их в трубочки, я вытянул тот, который указывал на Испанию.

Таким же способом избрал я в Испании провинцию Сантандер. А Санта Марию де Кавон я избрал потому, что случайно оказался в этой заброшенной деревушке в 60-ую годовщину со дня своего рождения, за трое суток до своей кончины.

*Базиль Крукс,
из Нью-Маркета.*

Кончив чтение, нотариус поднял очки и спросил:

— Кто же предъявляет книгу и письмо?..

Капитан Родериго вопросительно посмотрел на Лауру. Та утвердительно кивнула головой.

— Книга принадлежит мне уже шесть месяцев, а письмо я только что получил в подарок от д-ра Каучо. Но я не желаю воспользоваться состоянием, из-за которого погибло столько жизней.

На лице нотариуса выразилось глубочайшее изумление.

— Но в этом конверте, — произнес он, — насколько я знаю от синьора Крукса, вкладной билет английского банка на сумму свыше 200.000 фунтов.

— Пусть деньги пойдут в пользу неудачливых литераторов, — улыбаясь произнес капитан. — Нам с синьорой Лаурой достаточно и обретенного нами счастья...

К о н е ц